

Анастасия Носырева

Алексей Стаблевский

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ РАЗУМА

Алексей Стеблевский
Анастасия Носырева
Хитросплетения разума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69251266

SelfPub; 2023

Аннотация

Погрузись в запутанную историю и попробуй расставить всё по своим местам, как того требует реальность...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	35
Глава 4	42
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	61
Глава 8	66
Глава 9	73
Глава 10	84
Глава 11	97
Глава 12	108
Глава 13	126
Глава 14	137

Анастасия Носырева, Алексей Стеблевский Хитросплетения разума

Коль книгу взял прочти её до корки,
И лишь потом берись меня судить.
А если нет, то даже я тут в праве по обёртке,
Решать кого из выбранных любить...

Коль книгу взял прочти тогда до корки,
И лишь потом берись её судить.
А если нет, то и она тут в праве по обёртке,
Решать кому себя из выбранных открыть...

Внимание!

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями чистая случайность.

Глава 1

Он

Сегодня утром пришло осознание о необходимости избавиться от самого ненавистного страха, жадно питающегося мною все эти годы, раз и навсегда. Он стал настолько сильным, что буквально вытеснил все положительные мысли и эмоции своей неотвратимой неизбежностью. Страх не был беспочвенным, и со временем постепенно воплощался в нежелаемую действительность.

Какая бы красочная картинка не была в голове, какие бы захватывающие и насыщенные события не происходили вокруг, логическое умозаключение о грядущем пугало своей ортодоксальной концепцией о вечном. "Ты состаришься и умрёшь" – аксиома, от которой невозможно убежать или скрыться, несмотря на столь молодой возраст. Чёрта-ва геронтофобия усиливалась с каждым прожитым днём, заставляя страдать и изнывать, как самая изощрённая пытка, вплоть до принятия очередной дозы алкоголя. Я пью, не потому что зависим, а потому что мне больно. Больно видеть, как лета прожитых дней постепенно вытесняет из русла, столь всеми усердно игнорируемую, до определённого момента, младость. Люди в самом начале пути так рьяно мечтают ускорить время, а после, столкнувшись с риском забвения, жалобно умоляют пустить его вспять, что забывают

насладиться жизнью где-то между. Принять данный факт без "правильного" компонента успокоительного не предоставляется возможным. Каждый прожитый день всё глубже затягивает в лабиринт грёз, выбраться из которого невероятно трудно, даже при условии, максимально приложенных усилий. Именно это стало побуждающим фактором к закладыванию начального фундамента парадоксальных мыслей, целью которых является уничтожение агонии, полностью прямопропорциональным ей путём. Избавиться от страданий раз и навсегда! Когда ходишь по лезвию ножа обязательно, рано или поздно, сорвешься. По обе стороны пропасть, а посередине заточенный металл, готовый в любую секунду распластать тебя на части, при падении аккурат на него.

Я никогда не был стандартным человеком, вошедшим в обиход жизни, подходящим под социальную стигму. Скорее наоборот – выпрыгнувшим на полном ходу в вечное непонимание происходящего. Поиск ответов на заданные в одностороннем порядке вопросы давали неприкрытое благонадевание на верное формирование меня, как личности. Тяготение к гносеологии заставляло неотложно искать субъективные истины в познании мира, но после, разбиваясь о скалы реальности, приходиться к агностицизму. Как же всё тяжело и в тоже время просто устроено: когда ты счастлив – всё просто, когда разбит – тяжело. Очень многие факторы влияют на наше восприятие абсолютности мира, которая постоянно варьируется в зависимости от призмы взглядов. Существует

лишь один постулат, принимаемый мною за истину – ни что, окружающее нас, ни константа. Нет постоянной величины, присущей чему-либо.

По правде говоря, именно неодносторонность мировоззрения стала камнем преткновения на пути к социализации. Но этот факт ни капли не страшил. Ибо, невозможно разрушить мир, непригодный для жизни. Люди не в силах обуздать чужую планету, не покинув свою. Но даже при таких действиях нет ни малейшего шанса на успех. Однако, всегда существует ещё одно "но", она в силах самоаннигилировать. Уничтожить себя изнутри, запустив необратимые процессы. Как коррозия поедает металл, так и мы с вами поощряем внутренний каннибализм...

Но разве хоть кому-то становилось лучше от самокопаний, направленных не на лечение, а на умертвление? Да, риторический вопрос, на который и так все знают ответ. Очень просто затеряться в комнате зеркал, видя повсюду своё отражение. Тяжело осознавать, что так и не хватило сил и внутренней уверенности, чтобы разбить их вдребезги, дабы увидеть выход, уповая на нечто сверхъестественное для оправдания собственной жалости...

Теперь уже и не вспомнить точку отсчёта своей апории. Однако, когда началась данная проблема, врачи не выявили никаких отклонений от нормы здоровья. Психиатр так же оказался бесполезен, оставив меня один на один с собственным миром и антидепрессантами, грядущими медленно но

верно, свести с ума. Процесс деактивации протекал постепенно. Но даже это не помогло остановить потоки негативно-го шлака, прогнать их прочь с крошечных уголков чертогов разума. Признаками душевной неустойчивости стали панические атаки. Со временем становилось только хуже. Наверное, я зря беспокоился, ведь старость – это проявление молодости в прошлом, как жизнь – проявление смерти в будущем. Но именно это больше всего и пугало. Повлиять на нерушимость закона природы не представлялось возможным. Оставалось только продолжить круговорот бессмысленно потерянных дней. Как механическая машина производить одни и те же действия, дожидаясь конца своей эпохи...

А ведь в детстве я ничем не отличался от сверстников, разве что складом ума, развитым не по годам. С тех пор испарилось много воды. Мои желания стать кем-то разбились падающей птицей об оземь, оставив в состоянии несформированного зародыша, с тяжёлым грузом неоправданных надежд. Работа-дом, дом-работа, параноидальные мысли о смерти с каждым прожитым днём всё глубже закапывали детские амбиции непонятого мальчика. Иногда отголоски прошедших мечтаний вырывались наружу, устраивая внутренний диссонанс, но война наровилась быть проигранной без решительно предпринятых действий. Ненависть созревала годами в самом сердце, дожидаясь судного часа. Не стоит в этом кого-то винить, разве что самого себя. Окружающая нас действительность ни в чем не виновата, ведь мы сами

её создаём. Значит слишком мало было приложено усилий, значит не смог разобраться в себе, значит я попросту слаб, природа права – избирательный принцип, естественный отбор, а таким не место здесь!

Точка отсчёта уже была позади, указывая на отсутствие реверсивности в действиях. Порабощенное, невинное тело стояло на краю карниза в предвкушении свободного падения вниз. Вот-вот всё кончится, не успев начаться. Так много было пройдено и так мало получено взамен, что сомнений совсем не осталось. Комнатное окно, в отличие от придомовой территории, оказалось практически не тронутым лучами фонарей, а значит шансы сторонних глаз на начальном этапе были минимальными. Дальнейшее развитие событий не интересовало вовсе, ведь свободное падение с 8-го этажа обеспечит летальный исход. Ручка провернулась, неизбежно уходя в сторону вместе с оконной рамой под давлением извне. Холодный осенний воздух вихрем ворвался в свободное пространство, образовавшееся долю секунды назад, чуть не свалив меня обратно в комнату. Глаза закрылись в унисон со сделанным вперёд шагом к неизвестности, которая так всегда пугала. Чувство эйфории от ложной невесомости переполняло, мчащиеся на всех порах вниз, разгоряченное тело. Казалось, может пройти целая вечность, прежде чем адресат достигнет места назначения. За мгновение до удара, в голове промелькнула деструктивная мысль: "Все проблемы можно решить, за исключением одной – смерть. Выходит,

моя проблема не решаема".

На пустом столе остался нетронутый лист бумаги, безмолвно впитавший и принявший все эмоции на себя:

"Мне страшно жить, ведь умирал уже не раз
В кругу повяз среди программных серых масс
Но каждый фарс судьбе устроит декаданс
Забудь про шанс, ведь даже бог тебя предаст

Ассимиляция – потеря, в омут с головой
Под шифром число зверя – шея под петлёй
Потеря за потерей, но продолжаю бой
И чья была идея подарить нам боль?

Но... Где... Мы?
В этом сером небе
В разных все вселенных
Хоть и на одной планете

Но зачем тогда бежим все
Встретить своё закулисье
Ударов резонанс по крышке
И в один момент затишье

Нет... Забудем всё словно альцгеймер
И чуждых мнений всю тень откинем без сомнений
Под шквал ранений погибнет в каждом каждый гений

Ведь до забвений достигнуть надо своих целей

Но под прицелом, на спусковом лишь палец фатума
(Мы) Частица атома и горе лишь тут от ума
Давно пора была, но траектория – парабола
Вся жизнь – преамбула, а смерть настигнет и тебя

Закрой глаза и посмотри во внутрь вдали
Нас атавизм поедает давно изнутри
Ведь тот сценарий на скрижалях сами написали
С утробы до утробы пожирая свои дни...

Я так старался победить всемирный гедонизм
Но камнем вниз отправлю к чёрту архаизм
Мой стоицизм дурачит словно нигилизм
Ведь взгляд прошёл давно здесь через сотню разных
призм

И потому не выбрал иерархию единую
Под этой глыбою я скинул душу нелюдимую
Потом воспрял в бою когда воспринял мир весь в целом
А оказалось это мой эффект плацебо... "

Удар...

В тот же момент по всему телу, с головы до пят, промчался
нервный импульс, быстрее скорости света в миллионы раз,

приведя рельефные и упругие мышцы в тонус, после прерванного непродолжительного сна. Ощущая непроизвольно застывшую гримасу непонимания и растерянности на своём лице, я быстро привёл его в порядок, проанализировав сложившуюся ситуацию: "...Сон... Это всего лишь сон...".

Тяжелый, режущий ноздри при каждом вдохе, воздух разгуливал по всей квартире, жадно нароясь заполнить каждый квадратный миллиметр зимней свежестью. Не обязательно иметь учёную степень доктора наук, дабы произвести когнитивное умозаключение о необходимости закрытия портала, связывающего этих два совершенно противоположных мира. Только в какой момент я успел его оставить открытым перед сном, так и не вспомнил.

Мурашки, бегающие по всему телу от холода, быстро сошли на нет, после приведённого в состояние эксплуатации тепловентилятора. Во время его работы, тебя словно переносит в пустыню – такое же "пекло под палящим солнцем" и совершенно сухой воздух. А между этими факторами, как в настоящей пустыне, где-то поджидает затаившийся мираж, чтобы свести с ума. Но...из двух зол выбирают тёплое, ведь жар костей не ломит, он их согревает.

После завершения нехитрых манипуляций, я занырнул под пуховое одеяло, укутываясь в уютный кокон, как гусеница, создавая комфортное ограниченное пространство вокруг себя. Руки непроизвольно потянулись за смартфоном, на заблокированном экране которого короткими и яркими

вспышками, попеременно друг за другом, всплывали новые и непрочитанные сообщения от контакта "Моя конгруэнтность". Сильное чувство дежавю не покидало меня долгое время, пока я, как замороженный, всматривался в аватарку давно знакомого мне человека.

Воспоминания накрывали не сразу, а постепенно, порой перенося в самые отвлечённые и абстрактные моменты от истока их возникновения. Я так сильно в них провалился, что передо мной открылась целая коллекция ретроспектив на выбор. Было бы кошунственно не пережить их снова, коли предоставилась такая возможность, доселе неизведанным гиппокампом, который, подобно жёсткому диску, хранит в себе все пережитки прошлого.

Глава 2

Воспоминания – около восьми лет назад.

Стоял тёплый осенний день. Деревья, переодевшись в благородные жёлто-зелёные наряды, тихонько, под действием безжалостного порыва ветра, роняли свои ажурные листья на неровную поверхность асфальта, покрывая его мягким разноцветным ковром. Где-то в небесной вышине слышалось курлыканье птиц, которое смешивалось с шумом проезжающих мимо машин, создавая живой оркестр. Жизнь за окном бьёт ключом, каждый горожанин, охваченный будничной суетой, оголтело мчится по своим делам, соревнуясь друг с другом в «гонке за выживание».

А в небольшом здании педагогического колледжа бурлит образовательная деятельность, нагоняющая скуку и сонливость на выступающих и их слушателей. Преподаватели, стоя за массивной кафедрой, монотонно вещали занудную лекцию, взятую (по большей части) из интернета, нежели основанную на собственном опыте. В то время как студенты, находясь в состоянии томительного ожидания, наблюдали, как большая стрелка часов победоносно близится к моменту завершения этого "изнурительного учебного процесса". Нервно ёрзая на своих неудобных стульях, как йоги на игол-

ках, они безостановочно поглядывали на новомодные гаджеты, стараясь разглядеть заветные цифры, разделяющие их жизнь на «до» и «после». 14:00! В тот час пожилой вахтер, расположившийся в главном холле здания, одним нажатием пальца утопил волшебную кнопку в рамке, приведя несложный механизм в действие. По всем уголкам пронёсся гул долгожданного звонка, ознаменовавший конец сегодняшним "страданиям". Будущие учителя с облегчением перевели дух, и в неконтролируемой эйфории, стремительно вскочив со своих мест, поспешно стали удаляться из душных аудиторий, не обращая внимания ни на отрывистые выкрики доцента кафедры, ни на образовавшуюся «человеческую» пробку. А это всего лишь 1-е сентября.

Я и сам не помню, как оказался в своей уютной комнате общежития, которую делил пополам с недавним другом. Ему оставался крайний год до получения заветного диплома. Вот незадача, а мне ещё таких два! По правде говоря, желание ускорить время, как практически у всех подростков, отсутствовало, меня всё устраивало, и я попросту наслаждался процессом, погрузившись в него с ног до головы. Да и беззаботная, весёлая студенческая жизнь, как в излюбленных американских комедиях, затягивала в омут бесконечных развлечений.

Показательно открыв дверь в наше логово, мы принялись наблюдать изнутри, как вокруг кипит жизнь. Будучи самими главными заводилами общаги, знали, что вот-вот весь эн-

тузиазм бегающих в хаотичном порядке "мышек" спадёт на нет, и они, на девять замков вновь запрутся в своих тихих маленьких норках. В тот момент, когда два "кота", словно под действием валерьянки, начнут вытворять уму непостижимые вещи. Так произошло и сейчас. Переглянувшись с Дмитрием, мы одобряюще кивнули друг другу головой, подавая сигнал, что «шалость началась», и в тот же момент выскочили в коридор, оценочным взглядом подбирая "жертву". Выбор пал на общую знакомую, способную оценить тонкий "юмор". В противном случае такое бы ни за что не произошло, но с кем-нибудь другим. Вместе с подельником, собрав в охапку ничего не подозревающую девушку, мы шутовски принялись выталкивать её в окно четвёртого этажа, выходявшего напрямиком на главный вход общежития.

Недоумевающие зеваки, состоявшие, в основном, из родителей первокурсников и случайных прохожих от увиденного зрелища застыли в оцепенении, широко раскрыв свои рты. Не сложно было догадаться по выражению лиц, устремившихся наверх, с явным, неприкрытым осуждением и неодобрением, о чем вещает сарафанное радио в их черепных коробках, и какие наставления, в последствии, будут оставлены детям.

Что нас сподвигло на это? Ничего. В принципе, как и на все остальные "выходки" тоже. Порой, такие пранки выходили за грань здравого смысла, но ничего аморального или, уголовно наказуемого, из себя не представляли. Сюда отлич-

но бы подошло выражение: "Биба и Боба – два *****", но это далеко не так. Хотелось безудержного веселья, такого, чтобы запомнилось на долгие годы, и однажды, попивая кофе где-нибудь... совершенно неважно где, всплывали в памяти яркие, радостные моменты студенческой жизни. Или, быть может, пубертатный период давал о себе знать, развивая экзистенциальную пустоту внутри от нехватки внимания. Всё это сложно. Однако подобные наваждения охватывали в минуты глубочайшего одиночества, заставляя задуматься и, в конечном итоге, поймать себя на мысли: "Ты ведь не такой человек. На кой эта чёртава бравада и вечное стремление быть в центре внимания? Что ты хочешь доказать другим? Докажи себе!"

Преподаватели знали меня совершенно с другой стороны: преуспевающий, прилежный ученик, идущий на красный диплом, творческая личность, занимающая главные роли во всевозможных спектаклях и инсценировках, спортсмен, подающий высокие надежды, одним словом – "Идеальный" студент. Я чувствовал себя незаменимым, но в то же время абсолютно ненужным.

Эффектное появление разъярённого коменданта, мчащегося к нам на всех парах, словно пантера, заметившая добычу, застало врасплох. В её арсенале уже была подготовлена очередная нравоучительная лекция о недопустимости и безответственности подобных выходок, и она готовилась к безжалостному расстрелу «нашкодивших» студентов. Му-

жественно выслушав её неадекватные вопли, придерживаясь привычной позиции: «В одно ухо влетело, в другое вылетело», мы с приятелем вернулись в комнату и уткнулись в экран телевизора, где транслировался футбол, к которому (к слову говоря), я был абсолютно равнодушен.

Забавно вспоминать, как данный девайс оказался у нас в руках. Однако, если вдуматься, то в этом нет ничего забавного. Каждый ищет свою выгоду и соглашается именно на то, что ему под силу:

Мы были заняты очень важным делом, играли в симулятор футбола на ноутбуке. В тот момент, когда тысячу и один раз перебитый телефон Дмитрия внезапно прервал этот увлекательный процесс и начал биться в предсмертных конвульсиях. Воспроизводя хриплым динамиком мелодию, похожую на мессу, словно давая понять своему хозяину, что идёт к причастию и уже никогда не покинет его.

– Алло? – вопросительно отозвался хозяин своего постапокалиптического телефона, передавая сигнал в цифровом зашифрованном виде радиоволной абоненту по ту сторону линии.

В комнате стало настолько тихо, после раздавшегося телефонного звонка, что разговор в тот же момент перестал быть конфиденциальным. Однако, если учитывать моё присутствие, он бы таковым и не являлся априори.

– Гошка это... Гоша... Узнал?

– Какой ещё Гоша? Куценко что-ли? – Дмитрий резко ки-

нул взгляд в мою сторону и, немного приоткрыв рот, принялся кивать головой вверх-вниз, ожидая похвалы за такую «феноменальную» шутечку.

Я одобряюще улыбнулся в ответ и с пристальным любопытством принялся слушать дальнейший диалог.

– Тогда, скорее, Гоша Эминем. Ха-ха-ха. – идентифицировать личность после подобного ответа уже не представляло проблемы.

Это же наш тот самый сосед, который лёжа на кровати под одеялом, средь бела дня, вёл диалоги и дискуссии со своей микрофлорой и фауной, образовавшийся в постельном белье из-за отсутствия гигиены. Станный человек, видимо люди, которые балуются наркотиками все такие... В дальнейшем его отчислили за прогулы, неуспеваемость и профнепригодность. Хорошо, что не дотянули за уши до выпуска, как многих других студентов, которых нужно было гнать взащей ещё с самого начала. От подобных «специалистов» только одни проблемы. Наша система образования дискредитировала саму себя.

Как выяснилось в процессе диалога, он продавал свой новенький плазменный телевизор совершенно за символическую сумму, вот только с какой целью история умалчивает. Странно, что спустя, аж, два года он решил позвонить и предложить его именно нам. А мы, недолго думая, согласились. Где ещё можно будет приобрести подобную вещь в десять раз дешевле, чем она стоит в магазине, всего лишь за

четыре тысячи рублей.

Под профессиональные выкрики комментатора на фоне, абстракция в моей голове понемногу утихала, и я вновь возвращался в реальность. Переведя дух, после распевки победных кричалок отъявленного болельщика, мой сосед неистово принялся поглощать, привезённые мною с летних каникул, морские деликатесы. Привычно намазав тоненький кусочек хлеба, с едва заметной плёнкой сливочного масла, толстым слоем красной икры, он попутно успевал вкидывать в себя кусочки мяса Камчатского краба, как настоящий "гурман". Белковое отравление, не подготовленным к таким нагрузкам, людям было бы обеспеченно. Окончательно выдержали меня в привычное состояние, проходящие мимо, совершенно незнакомые две девушки (вероятно, новенькие), обратившие внимание на вакханалию трапезы, состоявшей из труднодоступных продуктов. Одна из них остановилась, непроизвольно заставив подругу поступить так же, и выдала без застенчивости, что совершенно несвойственно серым мышкам:

– Мы бы не отказались от небольшого презента, ещё не доводилось пробовать подобную вкуснятину – закончив свою реплику неприкрытой улыбкой.

Недолго думая, Дмитрий встал и направился в сторону холодильника, попутно пережевывая пищу, которую успел напихать в бездонный рот. Достав из него самый большой кубик икры (к слову говоря, за который мне изрядно при-

шлось попотеть, текая от рыбинспекции и бурого медведя поочередно, вдоль ухабистого берега реки, незаурядно радуясь, что остался живым и не пойманным – настоящее браконьерское счастье подростка, стремящегося завладеть тем, что и так принадлежит ему по праву) с бескорыстием свойственным альтруисту, вручил его "голодающим африканским детям".

Одна из них, та, что это и затеяла, приняла преподношение как должное, и, с вымолвленным обещанием заглянуть сегодня вечерком, поспешно удалилась прочь, дальше по коридору, уже не с пустыми руками, забыв про свою подругу. Вторая незнакомка задержалась на мгновение, продолжая всё также безостановочно озарять своей лучезарной и заразно позитивной улыбкой всё вокруг, в том числе и мой серый внутренний мир, нуждающийся как раз именно в такой энергетической зарядке.

По касательной, в момент подготовки к спринтерскому забегу с целью нагнать уходящую в зенит "кидалу", мы встретились взглядами. Улыбка натянулась еще сильнее, и в ту же секунду она пустилась вслед за преследуемой. О-о-о, эти бездонные голубые глаза, утянувшие прямиком на дно Тихого океана, не давая ни малейшего шанса на спасение. Казалось больше совершенно ничего не имеет значения, кроме как увидеть их вновь. Частота сердечных сокращений ускорилась, а их удары стали настолько сильными, что разносились эхом по всей комнате.

Некоторое время я продолжал неподвижно лежать на кровати, уставившись в ту точку, где только что был её образ, но после отдернул себя, непроизвольно скривив лицо и выдав в слух:

—Что это только что было?

Дмитрий "щедрая душа" тут же принялся оправдываться в свойственной ему манере, приняв это на свой счет:

—Да, ладно тебе, нам все равно не осилить все это добро, зато я сделал вклад в будущее. Пушай порадуются!

Так и не уловив ход его мыслей, которые отчаянно лавировали через бурю пережитых эмоций, пытаюсь добраться прямиком до лобной доли моего перегревшегося "процессора", я непроизвольно кинул взгляд на наручные часы: "Чёрт, 18:01! Тренер меня точно убьёт!". Отчаянно подорвавшись с кровати, хватаю спортивную сумку, аккуратно расположившуюся в зоне быстрой досягаемости уже с набитой в неё экипировкой, и, одновременно при этом напяливаю на себя легкую, до неотвратимости удобную куртку, мчась к выходу общежития на всех парах, попутно сметая всё на своём пути и не обращая внимания ни на что (а это только малая часть маршрута).

Оказавшись на улице, незамедлительно ориентируюсь и, уже по известным, излюбленным мною местам, галопом устремляюсь к нужной остановке, жадно, подобно центробежному насосу, втягивая широкими ноздрями тяжелый, но при этом свежий осенний воздух, спустившийся прямиком

с ближайших сопок и вулканов. Игра под названием «Время или ты» началась! На протяжении всей дороги до ФОКа представляю какие девять кругов ада предстоит пройти из-за опоздания:

Недоумение тренера, готового отвесить пару оплеух за такую безответственную выходку. Ведь на носу чемпионат России, а нарушить скрупулёзный тренировочный цикл – значит проиграть, так и не дойдя до ринга.

В два раза больше физической нагрузки.

Спарринг с самим тренером, который, на минуточку, является олимпийским чемпионом, дабы усвоить преподнесённый урок.

Отработка всевозможных комбинаций до потери пульса.

Потеря пульса.

Смерть не является оправданием, а значит продолжаем тренировку.

Реанимация.

Восстановление пульса.

И еще один круг с самого начала.

Еле волоча ноги по лестничным проемам, подавляя отдышку, после «сущего ада», я с трудом добрался до четвертого этажа. Мышечная память, с точностью GPS, доставила меня напрямиком к двери нашей берлоги, на удивление оказавшейся закрытой. А это значит только одно (вернее два): либо у нас царит сонное царство, либо у нас гости.

Представляя крайний вариант, ничего не придумал ум-

нее, кроме как привести себя в чувства парочкой смачных пощечин. К такому мой организм явно не был готов, и отреагировал именно так, как я того и ожидал – дал скоротечный прилив бодрости, который угасал с каждой секундой промедления. На этом этапе обряд инициации был завершён. Максимально тихо, подобно домушнику, отвариив «врата надежды», перед глазами предстала следующая картина: два комка эстрадиола вращаются вокруг излюбленного третьего – тестостерона. Буквально воспламеняя друг друга силой трения. От увиденного можно ставить метку XXX (в квадрате, плавно переходя в геометрическую прогрессию), бриться на лысо и уходить в монастырь, попутно дав обед молчания на всю оставшуюся жизнь...

Конечно, ничего подобного не было, всего лишь взбудораженное воображение заявило о себе. Видимо крайняя пощечина была лишней, аль пропущенных апперкот, посадивший меня прямым на пятую точку, оказал такой странный эффект, вылившийся в игру «больной» фантазии.

Остаться незамеченным не вышло, учитывая с каким шумом я ворвался в помещение (открытая форточка + резкий порыв ветра = хлопнувшая дверь, со звуком, подобно вылетевшей пробке из-под шампанского) и вот уже три пары удивлённых зыркающих глаз устремили свой взор в сторону феерического появления ожидаемого «гостя». Одной паре блистательно красивых голубых глаз я был несказанно рад, однако не подал виду. Поставив фильм на паузу (даже мимом-

лётно разглядев эпизод, думая в этот момент совершенно о другом, в голове всплыло его название «Начало», в главной роли с ДиКаприо. До чего ж у меня отличная память, удивительно, что её ещё не отшибли на этих единоборствах) они безмолвно принялись наблюдать за моими действиями, выполняемыми на «автомате».

Лёгким движением руки отправив спортивную сумку на привычное для неё место, я плашмя завалился на кровать, прямиком в верхней одежде. Уже постепенно и лениво сбрасывая с себя ненужный хитиновый покров.

Резкий прыжок, и проявление внимания не той, кого хотелось бы, с противоположной кровати соседа на мою (словно между ними пропасть и нельзя просто встать да подойти) заставил отвлечься от «увлекательного» процесса.

– Давай помогу, а то выглядишь совсем неважно.

Тактично отклонив не понятный порыв мимолетной заботы по отношению к себе, я всё же закончил «линьку» без постороннего на то вмешательства. Устроился поудобнее, убрав вещи на свои места и, еле шевеля губами, промолвил:

– Я, конечно, понимаю, моя красота неотразима, но кино само себя не досмотрит. Включай уже.

Бороться с резко пришедшим сном оказалось куда сложнее (на протяжении оставшийся дистанции к завершению фильма), нежели с назойливой «мухой», так и не покинувшей моё ложе. «Случайные» прикосновения моментально пресекались взбрыкиванием, сродни дикой лошади, не же-

лающей покориться, подавляя все формировавшиеся зачатки внимания ещё на стадии эмбриона. Откуда такое рвение по отношению к моей персоне?

Постепенно нарастающая тревога остаться нетронутым взором голубоглазки (что так за всё это время и не взглянула в мою сторону. Быть может ей было не интересно, и они уже давно поделили нас между собой, каждая заранее выбрав кандидатуру по вкусу), заставила не медлить и хоть как-то активизировать все внутренние ресурсы для перехода в стадию «наступления».

К сожалению, она захлебнулось в самом начале, так и не получив необходимого времени для развития своего боевого потенциала. Безупречный тайминг за которым последовала контратака моего оппонента привели её к безоговорочной победе, заставив меня капитулировать молча:

– Мы, пожалуй, пойдём. Да, Крис? А то время позднее, а завтра хоть и суббота, но учёбу никто не отменял. К тому же наверняка воспитатель уже начала обход по комнатам. Не красиво получится если в этот момент нас там не окажется.

На моё удивление Крис (вот как оказывается зовут эту приставучую особу) бросила в ответ лишь плавное кивание головой (видать утомилась бедняжка), и летящей походкой обе удалились в полумрачный коридор по ту сторону двери, пожелав доброй ночи на прощание. Моему разочарованию не было предела, но это временное явление, которое скоро-

точно улечитца стоит лишь подумать о чём-то другом.

Не сумев сдержать любопытства, я все-таки на морально-волевых (веки уже не в силах были сопротивляться закону всемирного тяготения и постепенно закрывались, отрывая меня от реальности и перенося в мир снов) узнал немного информации о голубоглазке, что поведал мне сосед без лишних расспросов в виде «А зачем оно тебе надо? Хочешь с ней замутить? Для чего оно тебе? Втюхался чтоль?» и т.д. и т.п.

Оказывается, они были знакомы ещё до сегодняшнего момента, но никогда так близко и не общались. Но сейчас... приходят к обратному, как мне показалось (видимо пубертатный период заставляет взглянуть по-другому на ранее невзрачных «подруг» и «друзей»). Поэтому информация хоть и была полезной, но в то же время совершенно посредственно-поверхностной. Я намеревался это исправить в обязательном порядке, организовав личную встречу. Хоть я и остался сегодня в олдсайдерах, в арсенале моего эпохального обольщения находилось множество действующих фишечек: ум, красноречие, харизма... Необязательно обладать смазливый личиком, дабы произвести должное впечатление (хотя, до того, как ты откроешь рот, именно это и будет иметь первостепенное значение) красота появится после, лишь бы было за что зацепиться разуму.

Целую неделю (впрочем, она ничем не отличалась от предыдущих), вплоть до очередных выходных, я вынаши-

вал план и продолжал сумбурную жизнь, наполненную чередой знакомых мне алгоритмов: учёба – тренировки, тренировки – учёба и совсем немного личного времени, где-то в промежутке между... и так по кругу. Нельзя расслабляться именно сейчас, на носу важные соревнования (от которых зависит моё спортивное будущее), диплом, выглядывающий из-за гор (способный заложить фундамент для дальнейшего развития), но и личную жизнь в разряд второстепенной относить не стоит. Время пройдёт (как в стихотворении Леонида Утёсова), а что останется после: съедающая горечь сожалений о том, чего не сделал и не достиг? Всё можно успеть осилить, если этого действительно жаждешь. Слабаки всегда выбирают что-то одно, идут на жертвы (ибо не могут иначе) тем самым произвольно оправдывая свою слабость. Относиться себя к их числу, значит жить неполноценной жизнью (ограничивать себя в чём-то, пусть даже ради лучшего будущего – абсолютная глупость, ведь оно может так и не наступить, оставив тебя один на один с ничтожным настоящим и пустыми воспоминаниями).

Странно, что за всё это время они больше так и не заглянули к нам в гости. Возможно, ещё не все деликатесы были съедены, и потому нужда навестить нас попросту отсутствовала (хе-хе-хе). Не зная этот мир, и мысль не повернулась бы в подобную сторону развить такое критичное воображение, пусть даже и столь ироничное. Меркантильность нынче видна во всём. Но я почему-то был уверен, что к одной из

них это не относится с самой невозможной долей вероятности 99.9 процентов. Хотя, в действительности наткнуться на девушку с подобным менталитетом шанс для меня был довольно низкий – 0.026 процента, если брать расчёт 50на50 (да простят они меня за столько великодушные соотношения, ведь на самом деле жриц любви с такими убеждениями ещё больше) от всего количества представительниц прекрасного пола нашей многонациональной страны.

Желание ещё хоть разочек взглянуть не «на», а «в» эти прекрасные глаза цвета неба, перебивало весь здравый смысл и толкало на несвойственные мне поступки. Так как информация о комнате, в которой они живут отсутствовала, я решился на крайние меры. Напросился пойти на обход вместе с воспитателем, который каждый вечер устраивал отдалённый аналог проверки, по всем пребывающим в общежитии студентам. Так одним выстрелом убью сразу двух зайцев – узнаю, где их халупка, и смогу хоть на несколько секунд лицезреть образ представляемого мною целую неделю апофеоза.

Не знаю, что происходит, но ранее такого я никогда не испытывал. Так и хочется добавить: «Возможно, ввиду своего юного возраста». Однако знаю, это не совсем верное суждение. Наедине с собой я полон решительности и уверенности, но как только представляю момент нашего возможного диалога, пусть даже посредственного, сразу начинаю робеть. Приятные мурашки сказываются сверху донизу, пронизывая

каждую клеточку моего тела дозой дофамина, заставляя думать о ней чаще. Это волшебное чувство, которое испытывают миллионы людей. Оно способно созидать и разрушать, зависимо от того какой путь ты выберешь, и есть в каждом из нас. Сие во всех проявлениях есть Альфа и Омега.

Я нагнал её энергично стремящееся тело вверх по лестнице (в здании всё той же общежитке), после окончания пар, прямиком в гордом одиночестве. Видимо, сами высшие силы подают мне знак для решительных действий (собственно говоря, по отношению к которым я оставался агностиком). Упускать такой шанс нельзя, плевать на спонтанность, которая от слова «совсем» не соответствует плану (импровизация – лучший план).

– Елизавета... Извините, как вас по отчеству? – вот и всё, начало, стало быть, положено. Дальше дело остаётся за малым... или многим, чего, уж, гадать.

– Михайловна. – робко произнесла в ответ, ни на секунду не убирая улыбку с лица.

Она была столь притягательной и заразной, что, тот час, вводила в гипноз, заставляя в ответ поступать так же – улыбаться. (Не знаю, ведьма ли она или в детстве часто ударялась головой, вследствие чего защемило лицевой нерв, вынуждая её так поступать. А может, она просто позитивный человек и это её жизненное кредо? В этом ещё предстоит разобраться). Ну и мысли бегают в голове, когда волнуешься.

– Елизавета Михайловна, вы, без сомнений, очень при-

влекательна, как и я. Из нас получилась бы фантастическая пара. Что на это скажите? – после намеренно выданного элемента пикапа, последовала микро пауза, ещё сильнее накаляя обстановку вокруг.

И затянулась на столько, что собеседник, доведя улыбку до голливудской, готов был начать играть в игры, в которые играют люди, и сам того не подозревая.

– Шучу, конечно, шучу. Я – чертовски привлекателен. – как финальный удар молота по наковальне прозвучала конечная фраза, расставляя всё по своим местам.

Лицо голубоглазки в миг приняло бордово-красный оттенок, всё больше напоминая спелый помидор. За прикрытым ладонью, ртом непроизвольно вырвался стеснительный смешок, свидетельствующий о её полной вовлечённости в инсценировку театра одного актёра. Недолго думая, она перехватила инициативу в свои руки.

– А как ты смотришь на то, если сегодня мы устроим вечернюю прогулку перед сном? Мне нравится подобное времяпрепровождение. Было бы замечательно скоротать его в такой, надеюсь на это, подходящей компании.

(Вот это ответочка, наконец-то действительно достойный соперник).

– Я без сомнений удовлетворю ваше предложение. – радостный до чертиков (не подавая виду), позабыв абсолютно про всё, в тот же момент готовый порхать с лёгкостью бабочки от переизбытка чувств, я стремительно направился в свою

комнату, но резко одумался, добавив – значит в 20:00 внизу на вахте – и тут же растворился в пространстве, оставив за собой мимолетную тень.

«Вот как оказывается бывает» – промелькнуло в голове. В тихом омуте Лизы водятся*.

Ворвавшись в комнату, чтобы хоть как-то выплеснуть заряд накопленной энергии и сделать себя ещё более сексуальным к вечеру (понимая, что это абсолютно невозможно, ведь я и так Аполлон) я, неожиданным для соседа действием, упал на пол и принялся отжиматься, с улыбкой на лице, вслух проговаривая количество повторений.

– 51, 52... – на удивление мышцы не окислялись, и готовность сделать ещё хоть в три раза больше меня поразила.

– Ну, всё... Халк, Халк... Хорош уже... Чего такой возбуждённый, рассказывай давай. – не выдержал Дмитрий, устроившись поудобнее с любопытством ожидая ответа.

– Мы с Лизой сегодня встречаемся. Ты ведь не расстроишься? – нельзя вечно держать интригу, а то с ума сойдёт, и кому потом отвечать за этот казус.

На самом деле, желание поделиться просто пересилило желание промолчать. Надо поработать над этим, как говорится: «Болтун – находка для шпиона»).

– Расстроюсь? – с насмешкой переспросил Дмитрий.

– Я частенько видел вас вместе крайнее время. Поэтому, подумал что...

– Мы просто знакомые... – неожиданно перебил он – К

тому же при каждой встрече она постоянно расспрашивает о тебе... Уже поднадоело, если честно.

– Вот как? – левая бровь из-за состряпанной гримасы потянулась вверх до упора, всё больше ассоциируя моё выражение лица с Доктором Зло из «Остин Пауэрс».

Беседа продлилась ещё около часа. Обсуждение «Главной темы» на повестке дня плавно перешло на всё менее радикальные и отвлечённые вопросы от самой сути. Диалог прервался мелодией будильника, установленного на смартфоне, и как следствие, ретированием меня в душ (по такому поводу я бы ещё и в SPA записался, но времени совсем нет, а неотразимо необходимо выглядеть именно сейчас).

Какое же все-таки двойное чувство от волнения, таящегося где-то глубоко внутри тебя и так рьяно рвущегося наружу. Есть два варианта развития событий:

Пойти у него на поводу.

То есть, дать завладеть ситуацией и стать вечным заключённым, каждый раз уповающим на амнистию, так и не дождавшись глотка свободы. Оно полностью завладеет тобой, подчинит разум и тело. Заставит страдать, изнывать от безысходности, поступать наперекор собственной воли.

Осознать и принять.

Пропустить его через каждую клеточку, молекулу. Убедиться в том, что это всего лишь иллюзия, выстроенная проекцией подсознания под воздействием сформированного сборника ожиданий. Но сборник написан собственноруч-

но, а значит легко поддаётся корректировке или даже аннигилированию. Выбор есть всегда, даже в безвыходной ситуации. (Зная свой характер, и способность в самый разгар урагана, (происходящего внутри) подобного Аллену, найти смирение, я бы априори не смог поступить иначе).

Глава 3

Это был один из самых лучших моментов, плотно засевших, подобно вкрученному саморезу, в моей памяти:

Прогуливаясь по набережной, облагороженной аккурат вдоль Авачинской бухты Тихого океана, мы наблюдали как солнце постепенно скрывалось за макушками гор и вулканов, раскинувшихся по всей линии необъятного горизонта по ту сторону залива, даря этому городу крайние минуты радости от загадочно озарённого неба, отражающегося на поверхности океанической пучины тяжёлых вод, багровым закатом. В этот момент луна уже победоносно возвышалась над солнцем, плавно перетягивая бразды правления в «свои руки». Одно светило сменяется другим – фантастика. Лёгкий бриз приглушался на редкость полным штилем, окутавшим всё и всех вокруг на многие километры, оставив после себя привкус йода, застывший где-то в пространстве. Гул от проезжающих неподалёку машин и тяжело перебирающих ногами мимо людей, игнорирующих сие чудо, ни на секунду не способных прекратить словесный поток даже в такой момент, не могли сбить меня с мысли, пустившей корни в само сознание. С каждым ударом сердца она проникала всё глубже и глубже, словно отворяя врата истины перед лицом искавшего её странника. Сомнений не осталось

вовсе, когда разгоряченная ладонь, подобно раскалённому металлу, неожиданно соприкоснулась в плотном захвате с другой, настолько холодной, как айсберг в Северно-ледовитом океане. Не знаю, как объяснить, но прямо сейчас, именно в этот момент, находясь рядом с голубоглазкой, я почувствовал как наши атомы... нет, не знакомятся, а словно приветствуют друг друга после продолжительной разлуки. Кажется, я знал её целую вечность. Быть может, они сталкивались когда-то, в момент зарождения самой вселенной? И не важно, что после этого им пришлось развалиться на кусочки, создавая себе подобных. Выходит, в любом из воплощений я всё равно узнал бы её, сохранив знания в каждом из новообразовавшимся «ребёнке». Да будь хоть свирепым волком или смиренным ослом, слепым человеком – исход был запрограммирован – найти друг друга, несмотря ни на что. Вероятность сего события была ничтожно мала, но кто знает сколько тысяч, а может и миллионов лет, я (или мы) вновь ждали воссоединения, свершившегося именно сейчас. А может оно случалось и раньше, просто позабыли об этом в нынешней жизни, сохранив лишь неразборчивые отрывки ощущений из прошлых.

Испытывала ли и она подобное наваждение, трудно сказать... Вот только это было совершенно неважно. Если мы действительно были знакомы ранее, то один всегда поможет другому вспомнить всё. Ничего не берётся из ниоткуда и ничто не уходит в никуда. Таковы законы природы, но у все-

ленной, как показывает практика, они свои.

Совместно проведённое время, до появления хаотично разбросанных пылающих шариков по всему небу, пролетело со скоростью света. Оглянувшись вокруг, можно было лицезреть, что рядом нет ни одной живой души из рода человеческого. Все в спешке покинули рай обетованный, отправившись на встречу в объятия сладкому, но до боли непродолжительному сну. Они давно позабыли, что значит быть счастливыми, пытаясь урвать так нужный кусочек серотонина лишь в строго отведённый промежуток времени. (Ни хочу стать одним из них). Моё же тело напротив было преисполнено всевозможными химическими реакциями, готовыми поддерживать его в подобном состоянии ещё очень долгое время.

Решив немного перевести дух, мы уселись на монолитный валун, вероятно (хотя это было очевидно и так) рухнувший прямым с отвесной скалы сопки, в самый раз к основанию береговой линии, граничащей с водами океана. Она символично носила название «Сопка Любви». Шум океана и крики чаек, от которых порой вянут уши, не вызывали раздражения, а напротив сплелись воедино, созидавая прекрасный музыкальный концерт имени Природы.

Решив подобрать более удобное положение, я пересел за спину голубоглазки и крепко обнял её обеими руками за талию, ещё ближе притянув к себе (в этот момент даже сила притяжения не стала мне противоречить, а наоборот, ка-

ким-то необъяснимым образом помогла избежать неловкой ситуации). Хотелось полностью раствориться в ней, стать одним целым, переживая подобные чувства снова и снова. Застывшее в воздухе, между нами, молчание совершенно ничего не значило, мы говорили, но на другом языке. Языке тела и атомов. Бесчисленное количество звёзд, рассеянных по всему Млечному пути, и луна, будто подвешенная за ниточку, ярко освещали, оставленное солнцем, пространство вокруг. В одно мгновение, «предмет моего обожания» резко обернулся, и мы вновь встретились взглядами, что было слегка неожиданно. На этот раз никто не хотел прекращать возобновленную игру в гляделки, и мы продолжили наш бурный и несмолкаемый немой диалог. Моя голова слегка поддавалась вперёд, застыв в одном положении, ожидая встречного шага от спутницы.

– У меня это в первые, я никогда раньше не целовалась... – подобно витающей в облаках, прошептала Елизавета, предвкушая дальнейшее развитие событий.

– Ты не поверишь, как и у меня... – признаться в подобном для многих было совершено немислимым поступком, но я не хотел врать, только не ей.

В одночасье наши губы сплелись в страстном и нежном поцелуе. Я полностью отдался ситуации, совершенно позабыв про неопытность. На интуитивном уровне казалось, что все действия моего переполненного адреналином организма были согласованны. Сердце наровилось выскочить из груд-

ной клетки, когда в момент поцелуя она неожиданно положила свою ладонь на мою и крепко сжала её. Душа и тело преисполненные блаженством находились в неопишемом восторге. Не знаю как описать ощущения, есть такие вещи, которые нельзя передать словами. Но... но это было просто потрясающе. Два невинных комочка чистой и непорочной энергии нашли друг друга среди миллиардов выбора. Подобное к подобному, вопреки одинаковым линиям магнитного поля...

Просидев ещё некоторое время на одном и том же месте, взглядываясь вдаль вселенной, мною было вынесено на рассмотрение предложение о смене локации, которое тут же одобрил и утвердил мой спутник. Чего засиживаться? Движение необходимо во всех его проявлениях (стоячая вода плесневеет), и речь идёт не только о физическом усилии. Куда держать путь именно с этим человеком и именно в эту секунду было совершенно неважно. Отправиться в глубь океана на вёсельной лодке или пешком пересечь пустыню, в магазин за покупками или в аптеку за лекарствами (и в счастье, и в горе), на край света или в космос – запросто. Но мы просто шли по тускло освещенному тротуару уродливого города (словно из бредовой постановки арт-хаус), окружённого первозданной дикой природой, крепко держась за руки.

Опавшие листья с деревьев кружились вокруг нас и приятно хрустели под ногами, их кроны медленно качались из стороны в сторону под гнѐтом умеренных, но настойчивых

порывов ветра. В моменте, распущенные волосы голубоглаз-ки развевались на ветру, подобно запущенному в небо воз-душному змею. Она радостно шагала вприпрыжку и улыба-лась во весь рост, и я вместе с ней (влюблённость окрыляет похлеще любого энергетика), оставив абсолютно все невзго-ды позади. В один момент между нашими насыщенными разговорами, начиная с увлечений и заканчивая жизнью на других планетах, я неожиданно вставил:

– Мы теперь пара?

Елизавета резко остановилась и с неподдельной искрен-ностью взглянула на меня.

– А ты этого действительно хочешь?

Довольно некрасиво (в некоторых кругах даже тянет на моветон) отвечать вопросом на вопрос (она что, еврей? С виду не похоже вроде), да и к тому же, что значит «хочу ли я этого». Безусловно хочу, что за глупость вырвалась с её прекрасных уст.

– Конечно! Ты открыла во мне то, о существовании чего я никогда даже не догадывался и не знал.

С ней, подобно первопроходцу, я мог лицезреть доселе неизведанные места своей экзистенциальности. Юрко пор-хать, как птица среди облаков, наслаждаясь новыми чувства-ми и эмоциями.

– Я тоже хочу. – нежно ответила голубоглазка, и наши гу-бы вновь воссоединились в сладком поцелуе. (Какой это по счету раз уже и не припомню, но с твёрдой уверенностью го-

тов заявить, что с каждым разом получается всё лучшее и лучше).

В момент поцелуя моё периферийное зрение уловило яркий, постепенно нарастающий свет со стороны, который к тому же сопровождался звуками, похожими на надвигающейся грузовой автомобиль в нашем направлении. Это явно меня смущало, ведь проезжающие мимо машины ранее не имели подобный вектор движения, проезжая часть оставалась неизменно прямой на протяжении всего времени пока мы шли. Не знаю как Лизу не раздражал этот «светлячок» (который явно родом из Чернобыля), назойливо и упорно действующий на глазные яблоки. Предчувствие, что с секунды на секунду должно произойти что-то недоброе усиливалось, заставляя оторваться от поцелуя и уже наконец-то взглянуть на то, что там происходит. Терпеть дальше совсем не было сил, ибо предмет моего раздражения находился совсем близко. Внезапный взвизг, напоминающий экстренное торможение, и звук удара под боком заставил рефлекторно направить свой взор в их сторону и одновременно при этом, что есть силы оттолкнуть голубоглазку от себя. Всё что успел разглядеть в этот момент, так это как грузовик врезался в дерево и последнее неумолимо мчится напрямиком на меня.

Глава 4

Меня резко выкинуло из контекста воспоминаний. Не припомню, чтобы подобная история случалась со мной. В горле пересохло из-за работающего на всю мощность тепло-вентилятора, а капельки пота устроили гонки на моём лбу, соревнуясь между собой кто быстрее, под действием всемирного тяготения, скатится вниз. Я безжалостно смахнул их ладонью, попутно отсоединяя вилку с розетки виновника моей потливости. Меня попросту выбило из реальной жизни. Сколько успело пройти времени: час, два? Как этого можно было не заметить? Температура в комнате, с момента закрытия окна, и до сей минуты, без проблем нормализовалась и даже более чем. Пришлось избавиться от одеяла, откинув его в противоположную сторону кровати, что дарило тепло на протяжении всего этого времени, когда оно так было нужно. Короткий глоток воды со стакана, что заранее наполненный ледяной водой из-под крана, стоял на прикроватной тумбочке, пусть и не освежил, ввиду явного преимущества комнатной температуры над холодом, но зато вновь вдохнул в меня жизнь с первого же глотка. Мысли понемногу приходили в порядок, каждая, распределяясь в аккурат, по своим ячейкам.

—Хм, эффект ложной памяти. Интересно!

Я взял мобильный телефон в руки и принялся бороздить просторы интернета, словно серфер рассекающий где-то на Гавайях по волнам океана на доске, в поисках нужной мне информации, которой и так владел. Необходимо было взбодрить память, касающуюся эффекта Манделы, и к тому же подкрепить, либо опровергнуть некоторые умозаключения, возникшие на фоне сложившейся ситуации.

И так: «Эффект Манделы принято объяснять ложной памятью – эффектом в психологии, когда у человека развиваются ошибочные воспоминания о событиях или воспоминаниях, которые либо вовсе не происходили, либо подверглись искажению. Частый случай такой галлюцинации воспоминаний, расстройства памяти – конфабуляции. То, что имело место в реальности, со временем забывается, подвергается эрозии. А пробелы заполняются вымыслами...».

Впрочем, галактику не открыл, однако удалось подчеркнуть некоторые интересные моменты. Хм, надо бы постараться вывести себя на чистую воду. Вот только как оставаться объективным к самому себе, оценочно производя диагностики своей то ли невменяемости, то ли попросту усталости в подобной ситуации. Вопрос на повестке ночи остался открытым: это действительно вымысел моей больной фантазии, к тому же довольно правдоподобный, или...? Стоп. Никаких «или». Я точно помню, что там не было грузовика и летящего в мою сторону дерева. А как же больничный стационар, в котором пришлось находиться некоторое время под присмот-

ром врача из-за лёгкой черепно-мозговой травмы? Черт. В голове всё смешалось. Как подобное могло произойти? Может я слишком увлёкся процессом воспоминаний, вот и начал на ходу что-то выдумывать, дабы добавить экшена или закрыть пробелы в моей памяти того, о чём не могу вспомнить. Нет, этот гештальт не даст мне покоя пока не останется закрытым и разгаданным. Однако если вдуматься, то ничего такого и не произошло. Быть может, я попросту задремал, вот и приснилась подобная белиберда. Или я бодрствовал?

Мысли в голове не давали покоя, заставляя всё глубже погружаться в нескончаемые размышления. И вообще непонятно, почему это так сильно задело. Хотя на вопрос «почему?» имелся явный и чёткий ответ: что-то выдумывать для человека – норма... Изощряться в самой красноречивой лжи. К тому же забавно, что именно она одна из движителей всей нашей эволюции. Люди не способны управлять своим разумом, эмоции властвуют над миром. Всё это зашло очень далеко. Всяк говорящий неправду настолько в неё уверовал, что тут же воспринимает за истину. Они неспособны быть честными не только по отношению к другим, но и к самому себе. Если кто-то и может жить во лжи, то я нет. Необходимо придерживаться определённых жизненных принципов и убеждений, иначе зачем быть.

Внезапно в голову пришла совершенно простая и гениальная мысль, как разрешить сложившуюся внутри дилемму – позвонить виновнику воспоминаний и узнать её версию про-

исходящего в тот вечер. Мобильный телефон, при взятии в руку, отозвался пробуждением экрана, на котором красовалась странная заставка. Откуда взялись эти непонятные обои с изображением до боли знакомого моей памяти медальона. Быть может, совершенно случайно включился режим «Карусель обоев». Тогда почему они не меняются при выполнении нехитрых манипуляций, как тому положено. Пристально и заворожённо вглядываясь в каждую линию (ведь дьявол кроется в деталях), составляющих полноценную картинку изображённого предмета, я словно с каждой секундой, потраченной на рефлексии от увиденного, преисполнился истинной. Понимал, что абстрактен от реальности и нахожусь где-то за гранью.

Проливной, подобно тропическому, дождь за окном одновременно и внезапно пришёл с наваждением. С каждым доносящимся глухим звуком от удара капелек о преграды, встречающихся на их пути, перед глазами всплывали затуманенные флэшбеки, смысл которых я был не в состоянии уловить. Заметив происходящую вакханалию за окном, немного удалось отвлечься от давящих на голову мыслей.

– Дождь зимой? Серьёзно?

Моему удивлению не было предела. Ни разу настолько подобных климатических отклонений ещё не приходилось наблюдать собственными глазами. То ли с этим миром, то ли со мной явно творится что-то неладное, а может и всё вместе взятое.

Большой палец правой руки массивно лёг в обозначенное место на сенсоре для разблокировки экрана с помощью отпечатка пальца (до чего дошли технологии, раньше такое представить было невозможным). Журнал вызовов оказался без необходимого мне контакта в зоне быстрого набора. Торопясь, вбивая слово в верхнюю строчку поиска, я с облегчением вздохнул, когда наконец-таки увидел знакомый номер до боли любимого человечка. Телефонный гудок эхом раздался по всей квартире, оставляя за собой надежду, что абонент на том конце провода обязательно ответит в столь позднее время.

Сигнал резко оборвался и, повисшая вокруг, тишина тут же сменилась взволнованным, сонным голосом:

– Алло, ты видел который час, что-то случилось?

Нахлынувшие эмоции, возникшие не на пустом месте, переполняли всё моё существо. Я никогда бы не смог описать словами всю ту радость, что испытал в моменте.

– Да... Или нет... Просто хотел услышать твой голос...

– Что, прости? – недоумевающе отозвалась Елизавета. – У тебя точно всё в порядке, быть может, требуется какая-то помощь?

Её холод и совсем неожиданные вопросы подобного формата вновь перевернули всё с ног на голову. – «Какого чёрта я разбудил её, не мог подождать до утра?». Мужской голос, промелькнувший на заднем плане, только усугубил ситуацию, ввёл меня в ступор и заставил опешить.

– Что за мужчина рядом с тобой?! Ты мне изменяешь? Как ты могла предать нашу любовь!?! – поддавшись ажитации, обвинительные слова сами, в состоянии аффекта, начали, подобно пулемётной очереди, вылетать из уст.

Редкие слёзы непроизвольно скатывались по щекам, наполняя душу болью и непростительной обидой.

– Изменяю?! – недовольно вскрикнула Елизавета. По её реакции было заметно, что весь сон как рукой сняло. – Слава, ты видимо не в себе. Это мой муж! – как финальный удар палача секирой по шее прозвучали её слова.

Темнота, давно окутавшая и поглотившая всю квартиру, медленно начала пробираться глубоко вовнутрь, сея панику и раздор от разных, быстро приходящих мыслей.

– Какой нахер муж! Что ты вообще несёшь?! – я искренне не понимал, что происходит и неистово пытался достучаться до правды – мы ведь были с тобой вместе всё это время! С момента нашего знакомства... Что ты такое говоришь? – мой голос срывался чуть-ли не на каждом слове, я был излишне эмоционален, охвачен паникой.

– Мы расстались с тобой ещё в колледже. – уже спокойно, подобно удаву, отвечала Елизавета на все мои обвинения. – Слав, ты снова пьян?

Она продолжала что-то говорить, но я не слышал её голос. С каждым произнесенным словом он отдалялся от меня семимильными шагами в направлении прочь. В голове подобно отрывку из мантры повторялось: «Мы расстались... Мы

расстались...». Как теперь окончательно не сойти с ума, когда ширма иллюзий рухнула, а за ней оказалась оголенная и горькая правда, ломающая изнутри, что есть мощи.

Что повлияло на моё восприятие жизни и воспоминаний? Почему я не помню даже как оказался сегодня в квартире и чем занимался до? Как мне понять, вообще, сон ли это или явь? Так много вопросов и совсем нет ответов. Складывается ощущение отсутствия контроля над ситуацией, я словно марионетка в театре кукол, выступающих по абсурдному сценарию невидимых сил. Моё тело неподвластно мне. Душа и разум где-то за пределами всего здесь происходящего. Теперь я всё вспомнил...

Не хотя идти на поводу в этот раз меня силой постепенно переносило в пережиток прошлых лет. Как будто это уже не воспоминания, а я действительно (физически) погружаюсь в прошлое, но только не по-настоящему...

Глава 5

Как там говорят, "бабочки в животе"? (может надо просто следить за своим питанием, чтобы не случилось подобных эксцессов, а то от них получаешь только интоксикацию). Нет, это было нечто большее, неспособное отравить организм несмотря ни на что. Я знал, чувствовал, верил в конце концов...

Со дня нашего первого поцелуя пролетел целый месяц, а моё желание пройти дорогу длиною в жизнь, плечом к плечу, именно с этим человеком, крепчало день ото дня (юношеский максимализм? Нет. Просто каждый представляет именно то, что хочет увидеть, что таится в нём самом и так рьяно рвётся наружу). Этот временной отрезок не был наполнен пассивными действиями по отношению друг к другу. Впрочем, как и у большинства, только всё начинающих парочек. Глупо, когда так называемый конфетно-букетный период подходит к своему нелогическому завершению. Люди перестают нуждаться в другом человеке, овладев им полностью (по их субъективному мнению), теряют интерес к "приобретённой вещичке", всё реже проявляя внимание и заботу. Но меня совершенно не интересовало, как всё протекает у других, я был увлечён собственной жизнью: постоянные встречи, крепкие объятия, нескончаемые комплименты,

долгие разговоры, неожиданные поцелуи...

По правде говоря, именно эти потрясающие моменты замылены в памяти (моменты в отношениях, которые должны были остаться вопреки всему). Наша неопытность играла с нами в злую шутку, в то время, когда мы ждали от неё помощи. Так не хотелось, чтобы это когда заканчивалось, но, к сожалению, *happу and* бывает только в книгах или кино. В жизни это работает совершенно иначе – горькая правда, которую никто не в силах обуздать. Именно поэтому люди становятся либо ещё крепче, либо умирают, при этом не покинув наш мир. Но при любом раскладе я не терял надежды, что мы обречены на успех. Однако, именно тогда, мы были просто обречены.

И вот как наше совместное будущее нивелировалось:

Не дождавшись окончания очередного "рабочего" студенческого дня, я ретировался с четверной пары (надеюсь, преподаватель не станет держать на меня скрытую обиду) прямиком в общежитие, и первым делом направился в комнату к Елизавете. Уже не терпелось её поскорее увидеть и затискать до чёртиков. Приподнятое настроение лишь усиливало внезапно появившееся желание (которое давало о себе знать с самого пробуждения), однако в обратную сторону это не работало. Уперевшись в закрытую дверь, осознал, что мой план Барбаросса потерпел крушение, разбившись о неприступные баррикады этого бездушного заграждения. Сделав выводы, что внутри никого нет, курс моей траектории рез-

ко изменился по направлению к привычной (вот уже как три года) среде обитания. На удивление, моя комната, напротив, оказалась открыта, вот только внутри никого не было. "Не уж то бы Дмитрий забыл запереть дверь?" Хотя, справедливости ради, когда мы делали подобное хоть раз?

Лучи яркого обеденного солнца беспрепятственно проникали через двойной стеклопакет пластикового нового окна в комнату, но внутри отнюдь была не совсем благоприятная температура. Камчатское осеннее солнце всё-таки, оно такое, светит, но не греет (когда уже запустят это отопление?).

Журчащий желудок не замолкал ни на секунду (утром пришлось пожертвовать завтраком, взамен на дополнительное мимолётное блаженство под тёплым пледом. Не люблю укрываться одеялом, а плед такой мягкий и приятный), побуждая с удвоенной силой накинуться на все продукты, находившиеся в, под завязку, забитом холодильнике. Конечно же делать этого я не стал, и среди всего рока изобилия выбрал вчерашний творог, пару бананов и йогурт. Очень вкусное сочетание продуктов, особенно когда их употребляешь не по отдельности, а смешав вместе, но не в желудке, а предварительно в тарелке.

Утолив жажду, дабы разгрузить вечернее время после тренировки и провести его с голубоглазой, я принялся выполнять домашнюю работу. Она не всегда давалась легко, но от этого становилось даже интереснее: находясь в непрерывном потоке, пытаться отойти от привычной константы и найти

не навязанную, а правильную аксиому. Преподаватели часто возмущались из-за подобного подхода, но дав им то, чего они хотят (нужного ответа) тут же убеждались в знании материала по их предмету.

Выделенное время для самообразования пролетело совершенно незаметно, я и не обратил внимание, как вернувшийся сосед уже успел провалиться в сон, сладко посапывая в унисон, оставленному включенным, телевизору.

С самого утра моё самочувствие не поддавалось рациональному объяснению, словно тело пыталось предупредить о чём-то неизбежном и страшном. Нет, в физическом плане я чувствовал себя просто отлично, а вот в душевном присутствовал некий декаданс. Думать с чем это связано и что этому предшествует нет никакого смысла, так становилось только хуже (непокойный разум способен растоптать любого, кто пойдёт у него на поводу). Закончив дело по немного перефразированной поговорке, которая при этом не утратила свой главный посыл: "Не откладывай на вечер то, что можно сделать сейчас", я принялся наводить порядок на учебном столе, скрупулёзно распределяя вещи по своим местам. Рвущийся внутри меня наружу, перфекционист радовался подобной дотошности, нельзя оставлять его без праздника (надеюсь, неровен час, когда я буду благодарен ему за настойчивость и упорство в подобных ситуациях, из которых, в том числе, формируется характер).

Буквально на днях я подметил одно очень забавное явление.

ние, связанное с моим поведением после начала отношений с голубоглазой (этакая точка отсчёта невозврата). Оно носило исключительно положительную тенденцию и способствовало более усердной работе над собой абсолютно во всех аспектах. Не то чтобы раньше стремление развиваться тихо таилось, боясь быть замеченным, глубоко в недрах моего извилистого, походящего на лабиринт, подсознания с пометкой "ещё не время" или "уже не время", нет, такого не было. Желание развиваться и стремление в реализации данного желания присутствовали и выполнялись конечно же задолго до всего этого (ещё когда я был в отце... Ха!). Теперь же оно увеличивалось из раза в раз с невероятной силой, заставляя не трудиться, а именно осознанно принимать окружающую информацию во благо становления более осознанной личности. Я хотел становиться лучше не только ради себя, но и ради этого маленького комочка счастья, который до сих пор не выходил со мной на связь. "Где её ангелы носят?".

Справедливости ради стоит отметить, что с моей стороны не было предпринято никаких основательных действий, чтобы увидеть на экране телефона воображаемое долгожданное сообщение (прежде чем что-то получить, вначале необходимо вложить. Мне казалось, что я это уже сделал и потому искренне не понимал отсутствия вышеупомянутого. Но, как говорится, мои ожидания – мои проблемы).

Время неумолимо наступало на пятки, пытаюсь в очередной раз заставить меня торопиться по запланированным и

неотложным делам, к слову говоря, которые под натиском нарастающей скверны в моём теле, я решил отменить. Интуиция (всегда была моим самым лучшим другом в подобных ситуациях) всячески пыталась предупредить о чём-то неизбежном, своими замысловатыми намёками, понятными только шизофреникам. Мне же они были ясны только на четверть, неплохой результат (что в ту, что в обратную сторону), с учётом того, что все мы с вами немножко не от мира сего.

Телефон голубоглазки всё также предательски продолжал молчать, а комната оставаться нетронутой её присутствием. Тяжело в подобных ситуациях мыслить критически, однако именно это и помогает не делать поспешных выводов. Я не мог просто сидеть и ждать, когда появится виновник моего возбуждённого эмоционального состояния. Поэтому предпринял тщетные попытки по поиску её в общежитии, но за грань дозволенного (играть в детектива), выходить не стал.

Поздний вечер постепенно окутывал город своим тёмным покрывалом, даря его жителям самые разнообразные мысли, обычно в течение дня ускользавшие от взора разума и казавшиеся бредовыми. Классическая музыка, громко воспроизводящиеся в наушниках, играла роль этакой дамбы, сдерживающей все негативные проявления. Я сидел на детской площадке, недалеко от общежития и качался на совершенно не предназначенной для моих габаритов качельке, в которую еле как смог поместиться. С каждым рывком она убаюкивала подобно колыбели. Мимо проходящие люди медленно пре-

вращались в размытые фигурки, то появляющиеся, то исчезающие из зоны моего зафиксированного взгляда на одной точке.

Внезапно появившийся силуэт в поле моего зрения, постепенно нарастал в размерах, заставляя немного улыбнуться и понять, что это была Елизавета. По её внешнему виду даже полоумный кретин догадался бы, что что-то случилось. Однако она, как и я (конечно, была некая обида на всё это молчание и внезапное исчезновение), всячески пыталась это скрыть. Монотонно дыша, голубоглазка не выронив ни слова подошла и уселась на соседнюю качелью слева от меня (её идеальная фигура без проблем вместились в этот облупленный от краски кусок железа), придав ей энергичное движение толчком ноги. Поделившись с ней наушником, с десятков минут мы просто молча качались и слушали музыку, периодически поглядывая друг на друга.

– Прости меня, что заставила понервничать и ничего тебе не сказала. – начала она диалог без особого энтузиазма. – Сегодня был тяжёлый день, за которым последовали тяжёлые решения.

– Ты говоришь загадками... – я немного возмущился, ведь ожидал услышать совсем иное объяснение происходящему. – Они мне, конечно, нравятся, но не сейчас. Можешь сказать прямо, как есть?

После произнесённого вопроса голубоглазка неожиданно для меня разрыдалась самыми, что ни на есть, настоящими

слезами. Я не ожидал такой реакции и не знал, что делать, оказавшись в подобной ситуации впервые, поэтому просто продолжил молчать, не с двинувшись с прежнего места ни на сантиметр.

– Я... – неистово продолжала рыдать Елизавета, еле выталкивая из себя ненавистные слова причиняющие боль нам обоим. – Уже завтра я улетаю, Слав. Не хотела, чтобы ты об этом узнал именно так... Целый день я нахожусь в подобном состоянии, то рыдаю, то... Родители заставляют меня лететь вместе с ними, они переезжают в другой город... а мои документы для перевода уже готовы...

– И как давно ты об этом знала? – с огромным трудом размыкая губы удалось вымолвить, как можно было догадаться, крайние наши слова друг другу.

– Я знала об этом с самого начала... Вот только дата была под вопросом. Верила, что получится всё изменить... Остаться. Поэтому хотела жить полноценно. Встретила тебя, влюбилась. – её глаза по-прежнему не переставали наполняться соленными кристалликами и от этого становилось ещё больнее. – Извини, я сама во всём виновата. У меня не было выбора. – истошно продолжала она оправдываться. Но я непоколебимо был уверен в обратном.

– Выбор есть всегда.

Звонкая тишина повисла вокруг нас из-за последующего молчания, как будто мы находились изолированными под невидимым небесным куполом, в который ничего не способ-

но проникнуть из вне, совершенно ничего. Вот только жаль, что она без особых усилий смогла его покинуть изнутри, растворившись в сумраке ночных грёз, напоследок предварительно, поцеловав меня.

– Ну, вот и всё... – промямлил под нос самому себе и её оставленному шлейфу из атомов, что даже после такого не переставали дарить надежду на воссоединение в будущем. Через год, десять лет, сто... Пусть если и не наши тела, то атомы, раскинувшиеся по всей вселенной, и души будут вместе.

В ушах мелодично продолжали разливаться строки из песни неизвестного мне автора, ещё сильнее омрачая и без того ужасную обстановку:

"Ассимиляция – потеря, в омут с головой
Под шифром число зверя – шея под петлёй
Потеря за потерей, но продолжаю бой
И чья была идея подарить нам боль?"

Запечатанная пачка сигарет в одном кармане и зажигалка в другом неистово манили меня, побуждая на причинно-следственную связь. Я достал никотиновую смерть, внимательно разглядывая и вращая её вокруг собственной оси, под всеми возможными ракурсами. Зубчатое стальное колёсико начало прокручиваться под воздействием моего большого пальца, высекая искры ударами о кремний, которые воспламенили рвущийся наружу газ. Язычки пламени нежно поигрывали с бумагой и завернутой в неё табакотой, заставляя

тлеть и испускать едкий дым сожалений. Я плавно сделал затяжку, до упора наполнив свои лёгкие летучими токсинами. В тот же момент голова закружилась (как будто меня посадили в тренажёр ЦФ-7 в центре подготовки космонавтов, и включили его на всю мощность), грудная клетка озарилась жгучей болью. Лёгкие, не желая держать большую в себе эту гадость, начали выталкивать её на поверхность. Я начал делать выдох и тут же забился в неконтролируемом кашле.

Глава 6

Дым, поглотивший часть пространства в комнате, заставлял меня безостановочно кашлять, приводя в чувства от очередных навязчивых воспоминаний. Уровень задымления не был критичным, однако отсутствие контроля над ситуацией, некоторое время, оказалось не благосклонным ко мне. Без промедлений обнаружив источник возгорания (это не составило особого труда, ведь он находился прямоком у меня под боком) , я тут же предпринял все необходимые меры для его ликвидации: выдернул вилку тепловентилятора с розетки и избавил его от застрявшего между пластиковыми, перпендикулярными окошечками, из которых виднелся раскалённый тэн, кусочка догорающей бумаги. Вокруг лежало небольшое количество пепла, видимо всё от той же бумаги, что успела догореть после попадания на "комнатное солнце". Очередной листик, эффективно устремившийся вниз, словно с потолка, беспардонно приземлился мне прямоком на ноги. Выключатель, благодаря моей руке замкнул цепь и в комнате появился свет, открывающий всё тайны, смотревшему всё это время не туда, взору. Вся стена напротив меня была обклеена какими-то выдержками из газет, непонятной кипой информации на листках бумаги, нашими совместными фотографиями с Лизой.

Я был в полнейшем недоумении, когда среди всей этой одиозной макулатуры наткнулся на душераздирающую выдержку из газеты:

"Полет лайнера по маршруту Петропавловск-Камчатский – Москва закончился крушением при попытке захода на посадку. Самолет упал 28 октября 2015 года близ аэропорта Шереметьево и тут же вспыхнул. Погибли все, кто был на борту – 66 пассажиров и 6 членов экипажа."

Глава 7

Она

За окном, в полумраке улицы, освещённой тусклым мигающим, как стробоскоп, светом подъездных фонарей (дееспособность которых мало волнует коммунальные службы) крупными хлопьями валит снег. Развиваясь на ветру, он плавно опускался на поверхность земли, превращаясь в бесформенные сугробы, на радость маленьким детям, которые с утра, выйдя из дома, с искренней радостью примутся за зимние забавы. Досадно, что с возрастом это чувство безмятежности угасает, а то и вовсе «сходит на нет», освобождая место, постоянным тягостным заботам и мыслям среднестатистического взрослого человека.

В такой сказочной умиротворяющей атмосфере зимней ночи, в многоэтажном доме, построенном в стиле «быстрее сдать проект, не заморачиваясь об удобстве и комфорте жильцов», на втором этаже, в однокомнатной, уютной квартире, ворочаясь и вздрагивая, как уж на сковородке, спала она. Свернувшись в клубок, в позе эмбриона, что свидетельствует о безграничном чувстве одиночества (как часто пишут во многих «недопсихологических» журнальных чтивах, авторы которых, безусловно, убеждены в своей правоте, подтверждая её, несуществующей научной статистикой), она

находилась в контрастном состоянии, противопоставленном обстановке за окном. Её терзали проекции внутренних переживаний и страхов, трансформирующихся в один непрерывный диафильм.

Сон – таинственный и малоизученный субъект. Подумать только, большую часть своего времени человек проводит, отключаясь от реальности, затормаживая связь с внешним миром, в этом естественном процессе. Столько всего можно успеть сделать, сказать, прочувствовать, если бы мы были лишены возможности спать (хотя, учитывая природу человека и присущую ему склонность к прокрастинации, он нашёл бы альтернативное бесполезное занятие, чтобы убить, и без того, тот короткий промежуток времени, который дан ему для существования в этом удивительном, непостижимом мире).

Ей часто снятся сны. Яркие и красочные, наполненные приятными эмоциями и чувствами, неожиданными круговоротами и хитросплетениями событий, вихрем уносившими её от суровой будничной реальности. Ей нравилось после пробуждения вспоминать и анализировать увиденное, придаваться грёзам, как свойственно всем мечтательным личностям, к каковым относилась и она (хотя всячески старалась это скрывать, и даже искоренить, придуманную ею самой, мнимую инфантильность и ребячество, считая это своим недостатком, изъяном, требующим немедленного уничтожения и ликвидации, дабы держать марку перед окружа-

ющими, создавая имидж серьёзного делового человека). Это счастливое состояние могло сопровождать её на протяжении всего дня, пока она лихорадочно, в спешке выполняла свой привычный утренний ритуал: горячий душ (стоя под которым, любой другой человек получил бы ожог первой степени), чашка карамельного сладкого кофе со сливками, мучительно долгий выбор наряда и образа (всегда, в конечном итоге, не удостоенный её одобрения и удовлетворения) и короткий путь по заснеженной дороге на (не до конца) почищенной от вчерашнего снега машине, на «любимую» работу, уволиться с которой она хотела каждый раз, как только переступала порог учительского кабинета.

Но этот сон был другой. В нём не было привычной жизнерадостности, знакомой сладостной эйфории, насыщенного сюжета, как в полюбившихся ей романтических мелодрамах, никаких хороших и тёплых ощущений. Только пронизывающая гнетущая боль, переворачивающая и колышающая всю суть и естество. Она ощущала всеобъемлющую печаль и грусть, каждая клеточка её хрупкого маленького тела была пронизана разочарованием, всё казалось настолько подлинным и осязаемым, что она потеряла связь с действительностью и с головой окунулась в эти события. Как будто, находясь в очках виртуальной реальности, она всё глубже погружалась в то мрачное и тяжёлое состояние, навязанное этим дурным сновидением...

«На улице жаркий июльский день, солнце греет покатые

крыши домов, превращая раскаленный металл в место для самых изощрённых пыток, похлеще, чем чан с горячей жидкостью в фантастическом и зловещем аду. С высоких топей падает и кружится белый пух, вызывая непроизвольные конвульсии у несчастных аллергиков, всем сердцем ненавидящих это время года. Неподалеку раздаются звуки старой обшарпанной газонокосилки и, режущие слух даже самым искушённым матершинникам, импровизированные ругательства пожилого работника, который в очередной раз натываясь на мусор, при выполнении своей трудоёмкой работы, не перестаёт удивляться нечистоплотности безответственных людей, живущих в этом районе. Отчаянный и уже хриплый лай бродячих собак смешивается в едином хаосе с криками детей на игровой площадке, с громкими разговорами одиноких бабушек, сидящих на лавочках, возле подъезда и обсуждающих насущные проблемы: повышение цен на продукты, низкий уровень воспитанности безнравственной молодёжи, маленькие пенсии и недовольство нынешней властью, что в последствии, становится их единственным развлечением, приносящим хоть какую-то радость в бессмысленное и однообразное существование.

А где-то, в одном из многоквартирных домов, не обращая внимания на городскую суету, молодая пара, откинув все стеснения и переживания, наслаждается обществом друг друга. Безумную тягу, желание и искренние взаимные чувства они выражают с помощью страстных поцелуев, креп-

ких объятий и поглаживаний. Прильнув влажными губами и сомкнув руки, они становятся одним целым, и, подавшись приятному внутреннему порыву, сплетаются своими возбужденными телами, создавая вокруг себя ауру влюблённости и безудержного удовольствия. В процессе этих завораживающих действий, они отключаются от реальности, в данный момент существует только он и она, и это понимание сводит их с ума, ещё больше, побуждая, не отрываться друг от друга.

Но эта дымка зачарованности мгновенно рассеивается, когда в порыве страсти и забытие, он резко останавливается, отстраняется от неё и произносит фразу, выбивающую почву у неё из под ног:

- Я не хочу продолжать, потому что сейчас думаю о другой. Ты мне не нужна.

В одночасье, свет софит гаснет, в её голове проносятся миллионы мыслей, ни одна из которых не в силах заглушить ту невероятную боль, возникшую от этой бесчувственной реплики человека, казавшегося, ещё секунду назад, таким близким и родным. Молниеносно, взяв свои вещи, он одевается и испаряется, оставив её один на один с тяжёлым грузом вопросов, которые, видимо, так и останутся незадавленными, и неотвеченными. Занавес. Пробуждение».

Глава 8

Вся мокрая, как от марафонного забега, я вздрагиваю и открываю глаза. Осознание приходит не сразу «Это сон. Всего лишь сон». Ещё не оправившись от недавнего потрясения, непроизвольно хватаю телефон, взгляд падает на часы: 08:00.

– Чёрт. Опаздываю.

Поспешно выпрыгнув из тёплых объятий одеяла, впопыхах, ударяясь об угол тумбы, мчусь в ванную комнату, на ходу выкрикиваю нецензурные междометия, проклиная свои дизайнерские способности, побудившие расставить мебель именно в таком порядке. Спустя полчаса времени, я, вся красная и взбудораженная, вбегаю в свой рабочий кабинет, попутно скидывая верхнюю одежду. Ученики, изумлённые таким эффектным появлением учительницы, сразу накидываются с нелепыми расспросами, не давая времени на размышления. Звенит школьный звонок и я, радуясь такому своевременному сигналу, начинаю урочную деятельность, отключаясь от негативных мыслей, порождённых недавним событием.

Дождавшись окончания рабочего дня и отпустив уставших школьников по домам, беру телефон, нахожу в телефонной книге номер, уже знакомый мне наизусть, и нажимаю на

кнопку вызова. Непродолжительные гудки сменяются приятным басистым голосом, невольно вызывающим, улыбку на моём лице:

– Привет. Ты уже отработала? Всё хорошо?

– Да. Ты не поверишь, что мне сегодня приснилось.

Не имея сил и возможности, совладать с, поглотившими меня, эмоциями, задыхаясь от нескончаемого потока слов, я в детальных подробностях рассказываю о том странном эпизоде, который породило моё сонное сознание. Мужественно выслушав, этот безостановочный экспрессивный монолог, Святослав, с характерным ему спокойствием, принялся за ежедневное рассудительное повествование:

– Всё хорошо. Не принимай это близко к сердцу. Это лишь глупый сон, не имеющий ничего общего с реальной жизнью. Пожалуйста не переживай и не накручивай себя. Я позже наберу, сейчас на совещании. Целую. Пока.

Даже такой непродолжительный диалог успокаивает меня и окунает в беззаботную лёгкость, как обычно это бывает после разговора с ним. У него был талант: обладая несомненной остротой мышления, мгновенной реакцией и изысканным красноречием, он умел обуздать мою, без преувеличения, взбалмошную натуру, подбирая нужные и правильные слова, способные утешить, развеселить и отвлечь от негативных мыслей.

Убрав телефон в карман узких брюк, я, довольная, начинаю собираться домой. Открыв парадную дверь средней

школы, меня сразу окутывает свежий порыв ледяного ветра, моментально, придавая бледному лицу сияющий яркий румянец. На полпути к машине, перед глазами ясно всплывает картина одинокой связки ключей, оставшейся лежать на столе в кабинете, в том же положении, в котором я, лихорадочно бросив их, отвлеклась на бесцельную беседу с коллегой. Будучи человеком добрым и дружелюбным, стоя, как истукан, я активно кивала головой и пыталась сохранять заинтересованное выражение лица, выслушивая очередную порцию актуальных сплетен. Всячески пытаюсь намекнуть своему собеседнику на наличие других дел и ограниченный запас времени, я показательно кидала взгляд на наручные часы и неуклюже мялась на одном месте, но эти попытки оказывались тщетными, так как, человек, стоящий напротив, и, загораживающий собой желанный выход, совершенно не понимал намёков.

И вот теперь, разгребая последствия своей забывчивости, с недовольным выражением лица топаю обратно, тяжело перебирая ногами по, ещё не орошённом, снежному покрову. Войдя в тускло освещённое помещение, со стремительной скоростью хватаю необходимый предмет и быстрым шагом возвращаюсь назад, моля высшие силы (в которые, к слову говоря, не верю), не повстречать по дороге кого-то из начальства. Ещё одного пустого и нелепого разговора, моё психическое здоровье не выдержало бы.

Машина, за время моего отсутствия, уже успела прогреть-

ся, и сев в неё, я чувствую приятное, разливающееся по телу, тепло, заставляющее невольно вздрогнуть, как от удара электрическим током. Переступив порог квартиры, и, сбросив верхнюю одежду, я бессильно плюхаюсь на кровать, подминая под себя мягкий уютный плед. В таком расслабленном состоянии, вытянувшись и распластавшись на поверхности, как морская звезда, прилипшая к стенкам аквариума, мой разум погружается в глубокие размышления.

В последнее время, меня всё чаще начали посещать мысли о бессмысленности собственного существования, о нерациональном использовании времени, и в конечном итоге, я всегда приходила к логическому выводу, что стою на месте, без заметного продвижения к сокровенным мечтам и целям. Столько желаний и планов разбивались о несокрушимую скалу пассивности и инерции, мною же скрупулезно спроектированную и детально построенную.

Я мечтала профессионально заняться вокалом, возобновить игру на гитаре, подтянуть свои знания английского языка, заняться спортом, посетить психолога и разобраться с внутренними зажимами, мешающими жить, свободной от комплексов и предубеждений, жизнью. Но каждый раз, изобретательно подобранные отговорки и нескончаемые оправдания, всё дальше отодвигали меня от намерений, погружая в беспомощное состояние деструктивного самоедства и самокопания, усиливающего чувство неполноценности.

Справедливости ради, стоит сказать, что в минуты воз-

никшей мотивации, я всё же предпринимала попытки к саморазвитию. Однажды, даже купила себе качественную классическую гитару в одном из профессиональных музыкальных магазинов, но по велению судьбы (по праву говоря, лени), этот струнный инструмент остался стоять девственно нетронутым, покрываясь приличным слоем пыли в тёмном углу спальни, подальше от посторонних глаз. В последствие, он был продан за символическую стоимость одному из знакомых, и этот необдуманый шаг поставил жирную точку в развитии моих музыкальных талантов. Периодами, я даже посещала спортивный комплекс, занимаясь на новеньких тренажёрах по программе, найденной в просторах интернета. Изнурительные тренировки не давали быстрого желаемого результата и, опустив руки, я бросала это мимолётное увлечение, будучи убеждённой в том, что «это не для меня», а купленный абонемент в зал мозолил глаза, каждый раз, напоминая о бесхарактерности моей личности. Изучение иностранного языка так же не увенчалось успехом. Дальше покупки красивой тетрадки, разноцветных ручек, недельной хаотичной писанины английских символов с их расшифровкой и невнятного произношения простейших фраз, дело не продвинулось.

У меня была ужасная привычка: быстро загораться, словно новогодний бенгальский огонёк, и так же мгновенно гаснуть, теряя всякий стимул и азарт, побуждающий довести дело до конца. Такая матера поведения съедала изнутри,

как язва желудка, но, даже осознавая это, я непоколебимо и упорно продолжала наступать на те же грабли, набивая шишку, которая со временем вымахала размером с Эверест.

Из депрессивных мыслей меня вытянул, раздавшийся рядом узнаваемый айфоновский звонок. Машинально перевернув телефон экраном вверх, сонный взгляд упал на дисплей, на котором красовалась милая подпись «Мой антипод». Резко поменяв положение тела, я мгновенно беру трубку и расплываюсь в искренней улыбке чеширского кота.

– Алло! – говорит он странным голосом. На фоне, еле слышными, отголосками разносится эхо.

– Да! А ты где? Что за звуки там?

Но не дождавшись ответа, я вздрагиваю от неожиданного стука в дверь, вперемишку с назойливым громким звонком.

– Подожди секундочку, ко мне тут кто-то долбится.

Не убирая телефон из рук, я настороженно и аккуратно подхожу к двери и первым делом смотрю в глазок, но вижу лишь беспроглядную тьму, свидетельствующую о том, что мой незванный гость зажал пальцем это маленькое отверстие в куске железа. «Умно». Стук не прекращается и пересилив свой страх, я медленно проворачиваю замок и открываю дверь.

То, что происходит в следующий момент, подвергает шок и вводит в оцепенение: передо мной, весь припорошённый снегом, с алыми, от мороза, щеками, с объёмным букетом моих любимых ромашек в одной руке («где он отыскал

их зимой?»), и с телефоном в другой, со счастливым лицом, стоит мой недавний телефонный собеседник...

Глава 9

Романтическая картина, словно, сошедшая с отрывков лучших любовных книг и фильмов, лишает меня дара речи. Взвизгивая, как поросёнок на скотобойне, я бросаюсь ему в объятия и покрываю поцелуями разгорячённые щёки и губы, чуть не сбивая оппонента с ног.

—О боже, что ты тут делаешь? Когда ты успел приехать? На чём? А как же работа?

Миллионы вопросов обрушиваются, нескончаемым потоком на моего неожиданного гостя, присутствию которого я безумно рада, хоть оно и застало меня врасплох.

—Ты была расстроена сегодня, поэтому я решил приехать. И у меня есть для тебя сюрприз. Загляни в букет.

Ничего не подозревая и не имея в голове ни одного варианта «что там может быть?», я стремительно хватаю цветы и начинаю рыскать в них, как маленький ребёнок, в поисках новогоднего подарка, натываюсь на небольшой конверт, содержимое которого, трудно разглядеть и предугадать сквозь плотную белую бумагу. С трясущимися от волнения конечностями, я лихорадочно раскрываю его, боковым зрением замечая предвкушающую довольную гримасу моего «Санты», что ещё больше воодушевляет ускорить процесс. Добравшись до желанной начинки, на секунду застыв, как гипс

совая статуя, в недоумении поднимаю глаза, в руках у меня оказываются два, аккуратно сложенных, авиабилета, на которых чёткими буквами красуется дата, время и пункт назначения: Москва – Нью – Йорк.

– Нуууу... что скажешь? Вылет завтра утром.

Находясь в состоянии шока, вымолвив лишь короткое «Угу», я ещё раз смотрю на билет, крутя его в руках, словно «Sign Spinning», вглядываюсь в напечатанные слова, с доскональностью педанта, пытаюсь осознать, что это, действительно, правда.

– Но... как? Когда ты успел?

В ответ слышу знакомый мне спесивый смешок.

– Я уже давно это обдумывал и вот решил сделать.

После череды глупых и дотошных вопросов с моей стороны, дальнейший диалог строился уже сдержаннее и спокойнее. Разместившись на кухне и поужинав вчерашним, разогретым блюдом, во вкусовых качествах которого я очень сомневалась, ведь готовила «наскоряк» для себя, не думая, что это испробует кто-то другой, мы принялись за пошаговое планирование развлечений и обсуждение деталей перелёта, проживания и продолжительности нахождения в крупнейшем городе США, носившем, всем известное, прозвище «Большое яблоко».

Простудировав в интернете всевозможные статьи и путеводители, мы составили список мест, обязательных для посещения:

Статуя Свободы.

Эмпайр-стейт-билдинг.

Таймс-Сквер

Бруклинский мост

Бродвейский театр

Кони-Айленд

Манхэттен

*. И большое количество различных музеев, соборов, торговых центров и парков.

Учитывая ранний подъем и предугадывая час-пик на дороге, было принято решение укладываться спать. Даже несмотря на сильное эмоциональное потрясение и дальнейшее возбуждение, я и сама не заметила, как закрыла глаза и предалась сладкому сну.

«06:00».

Интересный факт: когда необходимо рано проснуться в обычный день для погружения в привычную и утомительную рабочую рутину, проходишь все этапы принятия неизбежного:

- 1.Отрицание («неет, неужели уже пора вставать?»),
- 2.Гнев («Кто, чёрт возьми, вообще придумал работу и будильник? Прибить бы этого «гения»),
- 3.Торг («Может ещё хотя бы 10 минуточек?»),
- 4.Депрессия («Так будет продолжаться всю мою бессмысленную жизнь»),
- 5.Смирение («Ладно, пора вставать!»).

А потом с медлительностью ленивца и неповоротливостью панды выползаешь из-под одеяла и с грустью в глазах плетёшься по делам. Но, если собираешься в путешествие, то готов встать хоть в 4 утра, состояние бодрое и задорное, словно ты закинул двойной дозой энергетика, запивая его в придачу крепким кофе. И никаких следов усталости на лице, только радость, счастье и предвкушение поездки.

Так случилось и сейчас! Бойко выпрыгнув с кровати, хватаю полотенце и рысью бегу в душ, по пути чмокая уже проснувшегося и потягивающегося парня. Выполнив весь обряд «прихорашивания», проглотив свежеприготовленные бутерброды с рыбой и творожным сыром (мои любимые), уже стою в коридоре с собранными чемоданами, прокручивая в голове список вещей, которые должна была в него положить. Удостоверившись в полной комплектации и успокоившись словами моего попутчика:

– Ты ничего не забыла! А если и так, то это можно докупить уже на месте.

Мы вызываем такси и едем в аэропорт. Дорога не занимает много времени и вот пройдя все круги ада (регистрация, досмотр, ожидание в зоне вылета), наконец-то оказываемся в самолёте. Усевшись в мягкие кресла и радуясь отсутствию маленьких орущих соседей по близости, взявшись за руки, нежно целуемся и утопаем в долгом увлекательном разговоре.

Беседа идёт настолько легко и непринуждённо, что мы,

словно два профессиональных гипнолога погружаем друг друга в состояние транса, из которого, спустя 3 часа времени, нас выдёргивает, раздавшийся рядом, голос молодой стюардессы:

– Курица или рыба? (извечный вопрос, как « быть или не быть?»).

Выбор, конечно, очевиден, учитывая мою неистовую страсть к морепродуктам. Мой же сосед предпочёл противоположный вариант, подтверждая тем самым нашу доктрину о антиподах. Воспользовавшись забавной крылатой фразой, которую часто употребляла моя бабушка: «После вкусного обеда по закону Архимеда... полагается поспать!», мы, набив животы, проваливаемся в сон, надеясь, что к моменту нашего пробуждения самолёт уже будет заходить на посадку. И каково было наше удивление и следующая за ним радость, когда открыв глаза, мы обнаружили светящуюся перед лицом табличку «пристегните ремни» и сопутствующее сообщение пилота, разносившееся по всему салону через громкоговоритель, предупреждающее о скорейшей посадке и необходимости перевести спинки кресла в вертикальное положение.

Я никогда не боялась летать на самолёте, даже к устрашающей зоне турбулентности, создающей лютый переполох среди пассажиров, относилась спокойно, не прокручивая в голове гнетущую и отчаянную мысль: «О, боже, мы все умрём!». Но, есть две вещи, которые всё же вызывают у ме-

ня некий дискомфорт: взлёт и посадка. В эти моменты моё внутреннее состояние кардинально меняется, подвергая разум и тело в неконтролируемое беспокойство без видимой на то причины. Поэтому и сейчас это чувство пертурбации взяло вверх над всеми другими эмоциями и я, отчаянно вцепившись в руку моего уравновешенного соседа, как кошка перед купанием, оставляя красный след на его коже от острых ногтей, зажмурила глаза, пытаюсь перевести дыхание. Совершенно невозмутимым голосом, поглаживая меня по дергающейся ноге, он проговорил:

–Всё хорошо, не нервничай, я рядом!

Эта фраза, пронизанная добротой и нежностью, обезоруживает меня, и туманное сознание понемногу приходит в норму, оставив тревогу и смятение позади. Наступает долгожданное приземление.

Пересадка в Москве занимает 3 часа, и чтобы не тратить это время впустую, решаем пройтись по аэропорту в поисках чего-нибудь интересного. Прогуливаясь по широкому холлу, сплошь усыпанному со всех сторон разнообразными магазинами с пестрящими вывесками и набитыми всяческими безделушками, начиная с сувениров, заканчивая одеждой, мы натываемся на место, которое привлекает нас больше всего: «Книжный магазин». Зайдя в уютное и красиво обустроенное помещение, недоумеваем по поводу отсутствия большого наплыва покупателей, хотя чему тут удивляться, ведь нашу нацию тяжело назвать «читающей».

Помимо нас и продавцов – консультантов в забавной униформе, тут ещё находится солидный мужчина средних лет, сидящий за журнальным столиком с неприятной наружностью олицетворяющей напускную надменность, небрежно листающий томик Булгакова «Мастер и Маргарита», и молодая девушка, одетая, как монашка, в длинную ситцевую юбку до пола и вязанный свитер оливкового цвета с вышитыми розовыми цветочкам, стоящая рядом с прилавком любовных романов и держа в руках один из шедевров английской литературы «Гордость и предубеждение» Джейн Остин.

Мы же, не долго думая, подходим к стеллажу, именуемом «Антиутопии». Среди большого выбора книг, одновременно хватаемся за одну, что вызывает машинальный смешок у обоих. Как истинный джентельмен, мой партнер показательно отходит в сторону, шуточно изображая реверанс, тем самым позволяя мне достать желанный объект. Сам же, руководствуясь ненавязчивым советом, берёт, полюбившийся мне, сатирический роман «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли. Удобно разместившись на мягком диване, обитым тёмно-зелёным бархатом, мы погружаемся в захватывающее чтение, отвлекаясь каждые 10–15 минут, чтобы обсудить понравившиеся изречения и мысли. Время бежит со скоростью света и вот, обсуждая очередную цитату из книги: «Если ты не такой, как другие, то обречен на одиночество. Относиться к тебе будут подло.», мы невольно оглядываемся на настенные часы, выполненные в стиле известной картины

Сальвадора Дали «Утекающее время», в ужасе замечая, что до отлёта остался всего час.

Закрыв книгу, я по привычке заминаю верхний угол страницы, что служит мне импровизированной закладкой, широким шагом подхожу на кассу и оплачиваю товар, игриво отталкивая моего спутника, который собирался это сделать за меня. Попрощавшись с учтивым персоналом, мы решаем зайти в ближайшую кофейню и вкусить аппетитных пышных пончиков со сливочной начинкой, присыпанных сахарной пудрой, которые манили меня через витрину, как только мы подошли ко входу. Заказав крафтовый кофе со вкусом «Баунти», произвольно фыркнув, услышав знакомое:

– А мне Латте без сахара, пожалуйста.

Мы усаживаемся за узкий столик с высокими барными стульями и принимается за поглощение свежей выпечки, оказавшейся на вкус ещё приятней, чем я ожидала. Утолив голод и смахивая с себя остатки сахарной пудры, выдвигаемся к нужному терминалу. Завершив традиционный алгоритм действий, довольные и счастливые садимся на отведённые места, предвкушая 10-часовой перелёт.

Чувство радости от осознания того, что я впервые лечу за границу не покидает меня не на секунду, и я включая «режим любвеобильности», начинаю нежную атаку «виновника» моего счастья поцелуями и интимными поглаживаниями, не обращая внимания на окружающих. После непродолжительных приставаний, мой несокрушимый «противник» те-

ряет оставшийся крохотный процент выдержки и наклоняясь ко мне, соблазнительно шепчет на ухо фразу:

– Может займёмся этим в туалете?

Предложенная заманчивая идея ещё больше зажигает во мне огонь страсти, и я мгновенно подпрыгивая с кресла, бегу в назначенное «место встречи». Заранее договорившись, что знаком, побуждающим открыть дверь будет два отрывистых стука и затем серия из трёх быстрых, я взбудораженная и заведённая укрываюсь в убежище, оценивая небрежным быстрым взглядом его вместительность и удобства. Услышав заветный сигнал, я аккуратно открываю дверцу, впуская вождённого гостя вовнутрь. Энтузиазм и сексуальный порыв молниеносно накрывает обоих, и не имея сил обуздать возникшую похоть, мы набрасываемся друг на друга, как дикие звери в период наивысшей зрелости половой репродуктивной функции. Срывая одежду, не прерывая страстного поцелуя, он подхватывая меня своими мускулистыми руками за бёдра и усаживает рядом с раковиной, попутно помогая мне расстегнуть ширинку его джинс. Первое вхождение вызывает у меня громкий стон, но опомнившись я закрываю рот рукой и продолжаю наслаждаться процессом. Движения становятся всё активнее и резче, и вот в момент приближающегося оргазма раздаётся настойчивый стук в дверь, с последующими невнятными репликами. После разрывного смеха от осознания всей нелепости ситуации, мы собираемся с мыслями и поспешно одевшись, выходим из кабинки как ни в

чём не бывало, собирая по пути недоумевающие взгляды людей, прекрасно понимающих, чем только что эти двое занимались в туалете.

Заняв привычные места, и пристегнув ремни, Слава, повернувшись ко мне, вполголоса произносит:

– Это ещё не конец. Ведь ты не успела кончить.

Стеснительно усмехнувшись и чувствуя, как лицо покрывается краской, я целую тыльную сторону его руки, отвечая на предыдущее высказывание еле слышным отзвуком:

– Давай продолжим уже в номере отеля.

Дальнейшую дорогу мы проводим не так захватывающе, смотря подборки новых фильмов и слушая песни «Грота», подпевая в унисон заученным текстам. Наконец по всем уголкам разносится сладостная информация, что через 30 минут самолёт совершит посадку.

Мечтательно вглядываясь в иллюминатор, и любясь красотой проплывающих мимо облаков, освещенных лучами яркого солнца, я ощущаю неопишуемое ликование и восторг. Жизнь – удивительная штука, только недавно я была в раздавленном состоянии от дурного сна, еле сдерживала желание расплакаться и погрузиться во всепоглощающее уныние, а сейчас лечу в путешествие с любимым человеком в город, который раньше я могла созерцать только на картинках. Это ли не чудо?

– Уважаемые пассажиры, наш самолёт совершил посадку в аэропорту города Нью-Йорк. Температура за бортом 4 гра-

дуса Цельсия, погода ясная, местное время 8:00. Благодарим вас за выбор нашей авиакомпании.

Дослушав речь капитана воздушного судна до конца и дождавшись подачи трапа, мы, взявшись за руки пробираемся к выходу, предчувствуя, что эти дни пополнят копилку лучших впечатлений и воспоминаний в жизни.

Глава 10

После выхода с аэропорта, нас встречает яркое Нью-Йоркское солнце, с непривычки, режущее глаза и заставляющее состроить гримасу, напоминающую морду шарпея. Порыв прохладного ветра непроизвольно вызывает мурашки, бегущие по всему телу, как маленькие паучки, затрагивая своими крошечными лапками каждый сантиметр кожи.

С поиском сопровождающего, держащего в руках табличку с нашими именами проблем не возникло, даже при наличии ошибок в написании фамилий (нас почему-то подписали под одной, не знаю была ли это опечатка или же «хитрый» замысел моего попутчика). Пытаясь задействовать весь имеющийся запас знаний английского языка (эх..всё-таки надо было начать его учить ещё давно), я проговорила пару исковерканных предложений, значения которых, естественно, никто не понял, благо Слава владел языком в совершенстве (двусмысленность этой фразы волнует и зажигает сексуальное возбуждение, которое ещё не успело угаснуть после «инцидента в туалете»), поэтому трудностей во взаимодействии с местными жителями не предвещалось.

После загрузки наших чемоданов, мы поудобнее уселись в трансфер, целью которого было благополучно доставить нас до отеля. Проезжая мимо прямых живописных улиц, я пора-

жалась мощи и масштабу гигантских небоскрёбов, величина которых будоражила воображение. На улице активно кипела жизнь, все лихорадочно бегали по своим делам, хотя было только ранее субботнее утро.

Остановились мы в одном из самых высоких отелей в центре Нью-Йорка, между 6-ой и 7-ой авеню, совсем рядом с Таймс-Сквер. Наш двухместный номер располагался на 51-ом этаже и включал: огромную двуспальную кровать с белыми простынями, две прикроватные тумбы, выполненные в стиле Борокко, небольшой плазменный телевизор, мини-бар, просторную гардеробную комнату и санузел с джакузи. Но самой главной изюминкой были большие панорамные окна. Это место я сразу облюбовала, предвкушая неимоверное количество фотографий, которые буду делать каждые пять минут, дабы запечатлеть неопишемую красоту, открывающуюся взору с такой высоты.

Аккуратно разложив все вещи, и приняв совместный контрастный душ, мы решили заказать еду в номер. Слава, уверенно заявивший, что нужно практиковаться в разговорном английском, поручил это дело первостепенной важности мне. Но миссия: «Позвонить на ресепшен» была с треском и позором провалена. Извратив все слова до неузнаваемости, заикаясь и вставляя неуместные междометия, я слышала в ответ только недоумевающие фразы: «What? Could you repeat, please?», что вызывало неконтролируемый приступ смеха у моего соседа, сопровождаемый показательной

хваткой за живот. В один из таких моментов, он чуть не на-вернулся с кровати, успев вовремя ухватиться за край одеяла и ловким движением руки вернуться в исходное положение, как неваляшка.

После очередного озадаченного молчания на том конце провода и моего корявого повторения уже без особого энтузиазма, сидящий рядом «англичанин», показательно закатив глаза, взял бразды правления в свои руки, и не прилагая особых усилий, блистая своим изысканным произношением без намёка на русский акцент, как будто он лет 10 жил в Америке (может я чего-то не знаю) сделал желанный заказ. Доставка не заставила себя долго ждать и вот насладившись плотным обедом, мы незамедлительно начали собираться воплощать в реальность пункты из ранее составленного списка.

Учитывая наше местоположение и близость одной из самых посещаемых достопримечательностей мира Таймс-Сквер, мы, плотно укутавшись в зимнее обмундирование, направились напрямиком на площадь.

Выйдя на улицу, почувствовав теплоту зимнего Нью-Йорка и окинув мимолётным взглядом прохожих, одетых в лёгкие драповые пальто, мы поняли, что погорячились с выбором наряда (северные люди, что с нас взять?). Не имея желания возвращаться в отель и искать альтернативный вариант верхней одежды, мы немного расстегнув пуховые куртки, впустив под открывшееся пространство приятный ветерок, создавая некое подобие вентиляции, направились на-

встречу новым впечатлениям.

Высотные здания, огромное количество неоновой рекламы, пестрящее и переливающееся всеми цветами радуги (которые по масштабу и зрелищности составят не плохую конкуренцию знаменитому Лас-Вегасу) подвергало в неопишемый восторг, вызывая приятный импульс, приводящий в действие механизм бесконтрольного открытия рта. Как пеликаны, в поисках рыбы, мы бродили в поисках приключений. Но они быстрее сами нашли нас.

У входа в Бродвейский театр, куда мы направились сразу после длительной прогулки по окрестностям, предварительно купив билеты на шоу «Мулен Руж», рядом с величественными статуями львов, размером с человеческий рост, мы увидели бродягу, просившего милостыню.

Это был дряхлый старик с густой бородой, вызывающей ассоциацию со сказочным Хатабычем (казалось стоит только оторвать седой волосок, проговорив «волшебные слова» и все твои заветные желания исполнятся), томным уставшим взглядом, излучавшим какую-то необъяснимую доброту, многочисленными морщинами, по которым, как говорят, можно прочесть всю жизнь человека.

Одет он был в соответствии со своим социальным положением: черный выцветший балахон, доходивший до самых пят, покрывающий и голову, оставляя у лица небрежно висящие лохмотья, на руках серые поношенные перчатки, все измазанные, порванные и в катышках. В них он держал та-

кого же безобразного кота, судя по изнеможенному виду, доживающего свою последнюю 9-ую жизнь, на что непосредственно указывал его изувеченный хвост, больше походивший на редеющий туалетный ёршик, поломанные уши, как у борца, царапины и раны под глазом, свидетельствующие о многочисленных драках с другими бродячими котами.

Не скажу, что этот бездомный человек чем-то выделялся на фоне других, увидев его в кишасей толпе людьми, я бы, скорее всего, не обратила никакого внимания, но не сейчас. На шее у него красовался необычный амулет на кожаных плотных нитках, сплетённых в один толстый колосок. Изображение, находящееся в середине, и обрамлённое по краям странными знаками и узорами, было трудно разглядеть с далека, но по неизвестным причинам этот, ничем непримечательный, «объект» тянул и манил меня со страшной силой. Где-то внутри возникла жгучая и зудящая всю плоть, как сильная аллергия, потребность помочь этому бродяге.

Недолго думая, резко схватив за руку Святослава, с интересом рассматривающего афишу, я ринулась напрямую к «страннику», в сущности не понимая, что именно меня влечёт (толи неожиданно проснувшиеся альтруистические наклонности, толи что-то мистическое, не поддающееся разумному объяснению).

Подойдя в плотную к загадочному человеку, я потянулась за бумажными купюрами в сумочку, не сумев разобрать количество и ценность, незамедлительно положила их

в железный котелок, висящий на специальном самодельном крючке. Выполняя все эти «операции», я не отрываясь с искренним любопытством рассматривала пленительное украшение. Такая неприкрытая заинтересованность не осталась незамеченной, спустя несколько секунд он заговорил с нами, к большому удивлению, на русском языке.

—Спасибо вам, добрые люди. Я вижу, какое чистое у вас сердце. Вам понравится мой медальон? Хотите узнать о нём больше?

—Конечно. Но откуда вы знаете русский язык?

—Я разговариваю на всех языках мира. Даже на мёртвых.

После этой фразы мы с Святославом переглянулись и усмехнулись, не придав значения этим «байкам» попрошайки, но тем не менее, уходить не торопились, ведь данная личность показалась нам достаточно интересной. К тому же, не терпелось разузнать про медальон, заманчиво болтающийся на его шее, словно колокольчик у коровы.

—Так что вы хотели рассказать про кулон? — не унимаюсь я.

—Ах, да. Это необычный кулон, который передался мне по наследству. В середине изображено солнце колесо Мандала. Это символ судьбы и перерождения. С помощью него я могу путешествовать по разным мирам и измерениям.

Снова вырвался плохо замаскированный смешок.

—Я знаю, что вы мне не верите. Можете даже считать меня сумасшедшим, как это делают все окружающие. Но я могу

вас убедить в том, что говорю правду. Хотите?

До грандиозного представления в театре оставалось ещё два часа, поэтому одобрительно кивнув друг другу, мы решили задержаться и дослушать эту историю до конца. Не скрывая своей иронии и сарказма, Святослав проговорил:

–Конечно. О, великий и могучий путешественник во времени. Поведай нам свою тайну.

К нашему удивлению, после этой шутливо брошенной пафосной фразы перед нами в одночасье начал разворачиваться самый настоящий спектакль, под стать артхаусной постановке, где действующими лицами являются актёры под ЛСД. Словно по велению волшебной палочки, таинственный незнакомец из адекватного пожилого человека превращается в психически нездорового, поведение и истерические выкрики которого, мигом обращают на себя внимание всех прохожих.

Скинув с себя оборванный чёрный балахон, как профессиональный стриптизёр, он принялся крутить его над головой, создавая пародию на лопасти вертолёта, проговаривая заклинания из детских мультиков, наподобие «Абра-Кадабра, Сим-Салабим», разбавляя их неконтролируемыми воплями, похожими на крики чаек.

В мгновение, он, эффектно опустившись на колени, как мусульманин во время намаза, сворачивается в клубочек, накидывает на себя балахон, образуя своеобразную «кочку», покачивающуюся из стороны в сторону под воздействием

резко наступившего состояния транса. Скрыв лицо, рассуждая как маленький ребёнок, играющий в прятки (если я никого не вижу, значит и меня не видят), набирает побольше воздуха в лёгкие и на выходе выдаёт звук, похожий на рычание динозавра.

После этого фееричного абсурда, плавно подходящего к кульминации, мой напарник, не дождавшись окончания, берёт меня за руку и быстрым шагом направляется прочь от обезумевшего человека, пробираясь через толпу людей, уже успевших собраться вокруг, образуя импровизированный шабаш.

В голове невольно проносятся вариации нецензурной брани, состоящей из двух и трёхсложных слов, которые в конечном итоге сводятся только к одному риторическому вопросу: «Что это только что было?». Не в силах дать вразумительный ответ, от невозможности привести мысли в порядок, (да и в целом, есть ли здоровое объяснение всему случившемуся?), мы просто молча подходим ко входу в театр и стараемся забыть то, что происходило пятью минутами ранее.

Глаза сразу расслабляются и на мгновение перестают выполнять свою основную функцию, превращая нас в кротов, лишённых этого органа чувств, когда после яркого солнечного света мы входим в тускло освещённое помещение. С порога в ноздри ударяет приятный сладковатый запах старого дерева, тканей, нагретых металлом и влажной пыли после уборки сцены.

Голова автоматически запрокидывается назад, вызывая онемение шейного отдела, во время длительного рассматривания неопишуемых красот потолка, украшенного изысканной фреской, с изображением утончённых произведений искусства.

Сдав верхнюю одежду в гардероб, мы входим в огромный зал, рефлекторно раскрыв рты и выдавая восхищённое «Вау», поражаясь роскоши и величине всех объектов, окружающих нас. Наши места располагаются в партере, откуда открывается отличный вид на большую сцену, украшенную по бокам массивным бархатным занавесом, с вышитыми на нём позолоченными узорами, красиво переливающимися при свете софит. Спустя некоторое время, свет в зале становится приглушённым, громкие разговоры зрителей замолкают и под торжественные звуки фанфар, открывается занавес, предзнаменуя начало шоу. Первыми на сцену выходят дамы, одетые в лучших традициях эротических фильмов (кружевные чёрные корсеты, чулки, массивная кожаная обувь на высоком каблуке, на руках гипюровые бардовые перчатки, а голове украшают красные перья). Эффектно, ничего не скажешь. При виде их фантастического появления, мы со Славой невольно оглядываемся друг на друга в недоумении, с застывшим вопросом в глазах «А туда ли мы пришли? Точно ли это театральное представление или воображение резко перенесло нас в квартал красных фонарей?». Но после прекрасного вокала солисток и профессионально поставлен-

ной хореографии все догадки рассеялись, словно бутафорный дым, оставляя лишь неприкрытое чувство восхищения и заворожённости всеми действиями артистов. Для описания скоротечности протекания мюзикла от начала и до конца, отлично бы подошёл китайский фразеологизм, только с точностью наоборот «Три осени – один день».

С приятным ощущением выгодно инвестированного времени в приобщение к культурному досугу интеллигентного слоя общества, мы вышли из театра, минуя толпу людей, толкающихся в очереди за своими пальто, подобно муравьям, образующих карусель смерти. Свежий порыв ветра, окутавший нас сразу при выходе на оживлённую улицу, мгновенно приводит в бодрое расположение духа и побуждает вздохнуть полной грудью. Пройдя по уже известному маршруту, мы вновь натываемся на безумного старца, приютившегося в углублении здания, между массивными бетонными балками. Свернувшись калачиком и укрываясь плотным цветастым покрывалом с многочисленными заплатками, он сладко посапывал, крепко обняв такого же сонного кота. Поверх покрывала, свисая чуть на бок, пошатывался таинственный медальон, пленительно завладевший моим вниманием пару часов назад.

В этот раз влечение чувствовалось намного сильнее, оно словно яд разливалось по венам и артериям, проникая во все клеточки моего тела, провоцируя мозг фокусироваться только на одной деструктивной и аморальной мысли: «Ты долж-

на заполнить его любой ценой».

Резко остановившись посередине тротуара, создавая помеху активному движению, Слава с взволнованным видом, одёргивает меня за руку и выдаёт с неприкрытым беспокойством:

– А где твоя сумка?

Лихорадочно похлопывая себя ладонями по телу, изображая своеобразный цыганский танец, я осознаю, что сумочка осталась лежать на сиденье в зрительном зале театра.

– Не волнуйся, я сейчас сбегая туда и принесу её. – на ходу выкрикивает он, направляясь ко входу в театр.

Хитросплетения судьбы продолжили развитие событий именно в таком русле, которое требовалось для воплощения в жизнь преступного плана, созревшего в чертогах моего одержимого разума. Воспользовавшись случаем, не теряя ни капли драгоценного времени, мои ноги механически понесли брэнное тело напрямиком к спящему человеку, обладающего вожделенным предметом. Хлёстким движением руки, будто отрепетированным и отточенным годами практики, я срываю медальон с его шеи, совершенно позабыв о человеческих заповедях и принципах. Застыв в одном положении с украденным артефактом в руках, машинально засовываю его в карман куртки, нервно оглядываясь по сторонам, дабы убедиться в отсутствии свидетелей, способных укорить за столь безнравственный проступок. К моему счастью, сон старца не прерывается, а значит излишняя эмоциональность,

вызванная пропажей семейной реликвии останется за пределами моего взора. Осознание удавшейся шалости приходит не сразу, но остатки совести, скребущиеся где-то внутри, словно кошки, запертые в коробке, не дают покоя, вызывая стыд и ненависть к самой себе.

Ещё не сумев оправиться после совершённого преступления и гоня в голове антагонистские мысли о собственной греховности, я игнорирую появления «моего спасителя», держащего в руках потерянную сумку. Заметив моё необычное состояние, он задаёт, вполне логичный вопрос:

–Всё хорошо? Что-то случилось?

–А? Да, да, всё отлично. Спасибо. Пойдём уже в отель, а то я что-то замёрзла.

(Почему я не рассказала моему самому близкому человеку, которому доверяю во всём, что украла странный медальон у уличного бродяги, пока тот спал? Думаю, ответ очевиден. Господи, да это даже звучит смешно! Зачем я это сделала? Какой ужас! Это ведь на меня совсем не похоже. Сдалась мне эта бессмысленная безделушка? Какой в ней толк? Я ограбила бездомного человека. Забрала у него, возможно, его единственную ценность, которая, к тому же, передалась ему по наследству. Я точно буду гореть в аду!).

Весь оставшийся путь до номера отеля, я продолжала заниматься самобичеванием, основной целью которого являлось: растоптать мою, и без того, заниженную самооценку. Выполнив весь привычный ритуал подготовки ко сну, словно

автоматизированная машина, я, отбрасываясь отвлечёнными «Ага», «Нет», «Давай» и подобными односложными ответами на все попытки Святослава завязать диалог, в конечном итоге, сослалась на плохое самочувствие, вызванное акклиматизацией, отправилась спать, предварительно положив украденный медальон под подушку, в сущности, не понимая, целесообразности этого действия. Недолго думая, мой сосед присоединился ко мне, обняв и притянув к себе резким движением мускулистой руки. Полностью растворившись в ласке и нежности, закрываю глаза и погружаюсь в беспробудный сон, крепко сжимая под подушкой незаконно добытый артефакт...

Глава 11

Крепкий сон прервался противным сигналом будильника, жужжащим под ухом, как назойливая муха, лишённая инстинкта самосохранения. Охваченная желанием поскорее прекратить этот надоедливый звон, я тянусь к телефону, который хаотично ёрзает по всему периметру прикроватной тумбочки под воздействием мощной вибрации, стремясь медленно подобраться ближе к углу, и внезапно пуститься в свободное падение.

В сонном состоянии, с полужакрытыми глазами, словно щеночек только что появившийся на свет, бездумно тыкая подушечками пальцев по сенсорному экрану, с третьего раза попадаю по нужной кнопке и, к счастью, заканчиваю эту музыкальную попытку. Вслушиваясь в приятную тишину, наступившую сразу после затихания последних отзвуков мелодии, краем уха улавливаю шум льющейся воды, исходящий из ванной комнаты.

– Хах, какой шустрый, уже душ принимает – проносится в голове.

Плавно перевернувшись на другой бок, подминая под себя объёмное пуховое одеяло, я в ужасе замечаю, что Слава лежит рядом и всё ещё посапывает в подушку.

– Стоп, что? А кто тогда там моется? – эта немой вопрос

застывает в сознании, сопровождаясь резким подскоком и переворотом на постели с испуганным выражением лица и невольным вскрикиванием.

В эту же секунду открывается дверь и со спецэффектами в виде пара, словно певец на сцену, выходит мой парень, опоясанный белоснежным полотенцем, раскрывая своё накаченное рельефное тело, по которому плавно скатываются капли воды. Расплывшись в довольной улыбке, он смотрит на меня и выдаёт:

– Я, кажется, слышал крик, это ты? Или у меня уже галлюцинации?

В состоянии недоумения, разворачиваясь на 90 градусов, смотрю на ту часть кровати, где только что находился его двойник, но образ растворяется на моих глазах, как в замедленной съёмке, оставляя лишь пустое пространство и кучу вопросов.

– Нет, это, видимо, у меня галлюцинации. Я видела тебя вот здесь, лежащего рядом со мной, и тут ты резко появляешься в другом месте. Что за ерунда? Я что, схожу с ума?

Усмехнувшись и проведя рукой по мокрым волосам, задумчиво почесав затылок, он с энтузиазмом отвечает:

– А может ты попала в параллельную вселенную? А вдруг, это тоже не я перед тобой стою? Может это лишь плод твоей фантазии, а меня на самом деле вообще не существует?

– Слав, ну не смешно. Хватит издеваться. Я ведь серьёзно. Я видела тебя тут, а потом ты вообще испарился. Что это

такое?

– Солнце, ну ты чего? – он подходит ко мне и нежно обнимает. – Всё хорошо. Быть может, это тебе приснилось?

–Нет, это был не сон, я правда видела...а потом...

Не дав мне договорить, он прижимает меня ещё крепче, шёпотом произнося «Тшш..Тшшш...», словно успокаивая маленького ребёнка.

–Я тут, вот он я. Потрогай, я ведь настоящий. Ты просто ещё не до конца проснулась. Всё хорошо.

Растворившись в объятиях, вдыхая приятный запах геля для душа с мятой, вперемешку с мужским парфюмом (моим любимым), я чувствую спокойствие и защищённость, которая волшебным образом вытаскивает меня из дурных мыслей.

Несколькими минутами позже, приняв волевое решение «встать с кровати», отправляюсь в душ, продумывая и структурируя в голове планы на сегодняшний день:

Прогуляться по Южному Манхэттену и оттуда на пароме отправиться к Статуе Свободы.

Устроить романтический ужин в ресторане Скалини Фидели.

–Ух ты, насыщенная, однако, программа у нас намечается, Елизавета Михайловна. Мне нравится. – с восторгом выдаёт мой спутник.

Улыбнувшись ему искренней улыбкой, докрашиваю глаза тушью, припудриваю нос и надеваю тёплый фли-

совый костюм, предугадывая холодный морской воздух, который норвит пробраться под кожу и вызвать обледенение всех конечностей.

Выйдя на улицу, я убедилась, что выбор одежды был правильный. Резким взмахом руки, как в популярных американских фильмах, останавливаем, проезжающее мимо жёлтое такси и громко проговорив адрес, выдвигаемся в путь. Минув пробки, наш водитель, проезжает по узким улочкам придомовых территорий, выехав на оживлённую дорогу, начинает играть в «автомобильные шашки», нарушая, как минимум, пару-тройку правил дорожного движения, и буквально за четверть часа доставляет нас до пункта назначения.

Уолл-стрит, которая негласно считается главным историческим центром Финансового квартала города, оказавшись здесь мы направляемся к известной скульптуре «Атакующего быка», главного места для фотографирования туристов. По легенде, если потерять «некоторые части» быка, то это принесёт удачу. Проверять данную теорию я не стала, чего не скажешь о Славе. Руководствуясь фразой:

–Ради интереса стоит попробовать – он вплотную подходит к скульптуре, крепко ухватив быка совсем не за «рога» и скорчив смешную гримасу, жестом просит запечатлеть это событие на камеру телефона.

Отсмеявшись после своеобразной фотосессии, крепко хватая меня за ноги и закидывает себе на плечо, как мешок с картошкой. Хаотично болтая ногами и легонько ударяя по-

лусогнутыми кулаками по большой спине, я шутливо требую «Поставить меня на место». Но моё сопротивление лишь забавляет его и, вооружившись гордой улыбкой, он продолжает весело шагать в направлении порта, периодически шлёпая меня по пятой точке.

Спустя несколько минут ожидания, мы восходим на паром. Морской бриз моментально окутывает своей прохладой и свежестью, побуждая широко раскинуть плечи и вздохнуть полной грудью, пропитывая каждую клеточку тела кислородом. Появляется чувство некой эйфории от осознания свободы и открытости всего мира. Хочется во всё горло закричать: «Да, я живой! Живой!». Но эти эмоции постепенно ослабевают, по мере заполнения пространства вокруг. В скором времени на судне становится тесно и шумно.

Отплывая от берега, взглядом провожаю, оставшиеся позади, каменные великаны – небоскрёбы, которые с этой локации выглядят так, словно их построили из конструктора Лего.

Гудящим стальным лебедем плывёт массивный паром, разрезая острым носом зеркальную гладь залива, оставляя за собой полосы вспененной воды. Приятные шумы природы смешиваются в едином хаосе с гулом обезумевшей толпы, болтающей друг с другом на разных, непонятных и неразличимых слуху, диалектах.

– Не замёрзла? – с теплотой и нежностью в голосе, свойственной только ему, интересуется Святослав.

– Немного. – отвечаю я, невольно вздрогнув от пронзительного порыва ветра.

В эту же секунду большие сильные руки обхватывают меня за талию и крепко прижимают к груди. Его объятия согревают лучше любого горячего напитка, и я чувствую, как приятная дрожь разливается по всему телу, наполняя его уютным теплом. Так хорошо и так безмятежно. Вся шумиха вокруг в одночасье замолкает, знойный ветер больше не доставляет дискомфорт, я закрываю глаза и с удовольствием погружаюсь в пучину его любви и нежности.

И вот, наконец-то, она. Самая узнаваемая достопримечательность Нью-Йорка. Такая величественная и впечатляющая. Статуя Свободы.

Пришвартовавшись на острове, подхваченные общим потоком людей, спешащих воочию увидеть знаменитую медную статую, мы неторопливым шагом идём навстречу новым впечатлениям.

Неописуемый восторг, будоражащий изнутри, побуждает в восхищении хвататься за телефон и делать +100500 фотографий, лишь изредка меняя ракурс, безостановочно повторяя одни и те же междометия. «Вау. Ого. Ничего себе.»

– Пошли поскорее во внутрь. Там же ещё музей есть. – не менее воодушевленно произносит мой спутник.

– Конечно, а ещё на смотровую обязательно поднимемся. Обговорив дальнейшее развитие событий мы встаём в очередь, которая, по ощущениям, растянулась на километр

в длину.

Понемногу отходя от ликующего состояния, продолжаю с интересом рассматривать местный памятник. Действительно, его величие и масштаб поражают воображение. И тут мой взор замечает нечто странное. Факел, находящийся в руках у статуи, то загорается, то гаснет. Его мерцание, словно разбито на терции, повторяющиеся с одинаковым интервалом.

– Необычно, да? Не помню, чтобы я читала о таком в путеводителе. – показываю пальцем в направлении факела.

– Хм.. что именно? – озадачено выдаёт Слава.

– Как что? То, что факел моргает. Может он сломался? Перегорел?

– Лиза, всё хорошо? Ты чего? Он же даже не горит.

– Ты что не видишь? Встань вот сюда. – резким движением, я передвигаю его на своё место, – Мигает, да? Как будто в такт чему-то.

– Да он не горит. Его вообще не зажигают днём. Какой в этом смысл, если светло? Да и как маяк он официально не зарегистрирован.

– Подожди, да как же не горит? Он же мигает, смотри. Сначала быстро: раз, два, три, потом чуть помедленей: раз, два, три. Потом ещё раз медленно и один раз быстро. Видишь?

– Лизочка, что-то тебе сегодня много всего кажется, надо будет отдохнуть, как приедем в отель. Ты, видимо, утомилась.

– Да не нужен мне отдых. – выкрикиваю я.

Свойственное мне по натуре упрямство не даёт отступить, с раздражением в каждом движении достаю телефон и снимаю это странное явление на камеру, предвкушая реакцию Святослава, когда он это посмотрит.

Наконец-то подходит наша очередь и преисполненные любопытством, мы входим в просторное помещение, посреди которого стоит подлинный факел Статуи Свободы, занимающая почти всё пространство вокруг. Удивительное зрелище.

Экскурсия по музею оказывается довольно увлекательной. Окунувшись в события прошлого, просматривая старые диафильмы, памятные фотографии, рассказывающие всю историю создания этого величественного сооружения, чувствуешь насколько, порой, могуществен и изобретателен может быть человеческий мозг, и какие ещё безумные и великие идеи он может воплотить.

По мере приближения к лестнице, всё внутреннее существо сгорало от нетерпения, ожидая восхождения на смотровую площадку, которая располагалась на самой верхушке статуи. Учитывая атлетическое телосложение и несомненную выносливость моего спутника, его решение было легко предугадать: подниматься на вершину он пожелал пешком, отбрасывая вариант лифта.

—Так ведь намного интереснее, ещё больше всё прочувствуем. Ну же, пошли! На лифте мы ещё успеем прокатиться.

Его идея кажется мне довольно разумной, в особенности, после того, как я обнаруживаю гигантскую очередь к этому

объекту «цивилизации».

– Спорт – это жизнь. – горько проговариваю вслух, и руководствуясь этим девизом, мы преодолеваем все 192 ступени, периодически останавливаясь, переводя дыхание и протирая капельки пота, выступившие на лбу.

–О божечки! Как красиво!

Выглядывая сквозь маленькие оконца, как в иллюминатор, можно разглядеть потрясающие виды, которые открываются взору с высоты птичьего полёта. Бушующие волны залива, крохотные проплывающие мимо паромы, оставляющие за собой белый след, а вдалеке, как на ладони, виднеются современные небоскрёбы, которые отсюда кажутся не больше спичечного коробка.

–Да, это того стоило!

–Определённо!

Время близится к обеду и полюбовавшись панорамой дневного Нью-Йорка, мы решаем, что неплохо бы уже перекусить.

К счастью, на острове полно фуд-кортов, готовых накормить изголодавшихся туристов. Выбрав стандартный набор для желающих заработать язву желудка и ожирение 2 степени, мы присаживаемся за деревянный столик, в ожидании трапезы.

–Смотри, как могу. – с воодушевлением выдаёт Слава, засунув 2 картошки фри в рот с разных сторон, пытаясь имитировать бивни. – Я морж.

Залившись звонким смехом, откидываюсь назад, и чуть не падаю со складного стула, выронив из рук непечатый гамбургер.

–Ну вот! – расстроено проговариваю вслух, сложив губы уточкой.

–Не переживай, я схожу ещё за одним.

Показательно подпрыгнув на месте и похлопав в ладоши, как маленький ребёнок, который только что узнал, что его повезут в Дисней-Лэнд, я устраиваюсь поудобнее, запасаясь терпением, пока мой «герой» встаёт в очередь, чтобы приобрести мне новую порцию вредной гадости.

Наевшись досыта, мы встаём и отправляемся на причал, с радостью обнаружив поджидающий нас паром, который как раз успел подплыть к этому времени.

Дорога обратно, всегда по ощущениям, проносится быстрее. Этот раз не был исключением. Полчаса пролетели, словно за долю минуты, и вот мы уже причаливаем к берегу. Когда столпотворение людей, рассеивается, словно дымка, передо мной воочию восстаёт образ старца, с призрением смотрящего в нашу сторону. От неожиданности я не могу поверить своим глазам, от чего автоматически потираю их, забыв о наличии макияжа (над которым с утра пришлось изрядно попотеть, дабы скрыть мешки под глазами от недосыпа).

–О чёрт! Смотри, тут этот бродяга с Бродвея. Что он здесь забыл? Он что следит за нами?! – под действием эмоций, я лихорадочно дёргаю Святослава за рукав куртки.

–Ничего себе! Вот это совпадение. Пойдём, надо поздороваться со старым приятелем. – с ехидной улыбкой, произносит он, подпихивая меня плечом.

–Ну уж нет. Давай поскорее уйдём. У меня нет желания с ним пересекаться. Он как-то странно смотрит на нас.

Не дождавшись ответа, я хватаю моего спутника под руку и тяну в противоположную сторону от местонахождения неожиданного старика, с каждым разом всё яростнее ускоряя шаг.

К моему удивлению, обернувшись спустя несколько секунд, я теряю его из виду, от чего становится ещё волнительнее.

«А вдруг он понял, что это я украла медальон. И пришёл за ним. Не хочу, чтобы Слава думал, что я обокрала нищего. Чёрт! Чёрт!».

Прокручивая эти мысли в голове, как заевшую пластинку, я не замечаю ничего вокруг, ускорив шаг, практически до состояния бега, спотыкаюсь о неровную плитку брусчатки и сталкиваюсь с прохожим. Сбивчиво подняв глаза, я вижу лицо старца, который многозначительно потирает лоб от прямого столкновения.

Глава 12

За окном темно. Раннее зимнее утро. Аккуратно выскользнув из под одеяла, медленным шагом проскальзываю в гардеробную комнату, стараясь передвигаться как можно тише, не издавая резких и громких звуков, дабы не нарушить сладкий сон Славы. Второпях натягиваю на себя утеплённые чёрные джинсы, свитер с высоким воротом и длинный пуховик, доходящий до самых колен, завершив образ вязанной шапкой и шарфом, оставляя лишь малый просвет для глаз, в лучших традициях ниндзя, выбегаю за дверь, прямиком юркнув в подъехавший лифт.

До оговоренного времени остаётся ещё час, но моя пунктуальность (по большей части, волнение) заставляет прийти раньше. Местом встречи выбрано непримечательное французское кафе, в нескольких кварталах от моего отеля. Заняв свободный столик у окна и насладившись вкусом бодрящего ароматного кофе вприкуску с хрустящими вафлями, я понемногу успокаиваюсь. Мысли в голове приходят в порядок и картинка происходящего становится более чёткой и осязаемой. В момент ухода официанта, оперативно убравшего стол после непродолжительной трапезы, напротив меня присаживается старец, появление которого я и ждала всё это время.

—Честно сказать, я удивлён, что ты сама назначила мне

встречу. Неужели решила вернуть мне мой медальон?

– Да, это было ошибкой. Мне очень стыдно, обычно, я так не поступаю. Никогда. Я никогда так не поступаю.

– Никогда не говори «никогда».

Воцарилось неловкое молчание.

– С тобой уже происходило нечто странное?

– Странное? Что вы имеете ввиду?

– Головные боли, например. Хм... может, галлюцинации?

От неожиданности его вопроса я впадаю в ступор, не в состоянии вымолвить ни слова. Набрав в рот побольше воздуха, трясущимися губами, сорвавшимся голосом, граничившим между хрипом и шёпотом отвечаю:

– О-о-откуда вы об этом знаете?

– Не будем ходить вокруг, да около. Думаю, мне стоит открыть тебе одну тайну: Ты находишься во сне.

– Что за бред? Какой сон? Ох, зря, я всё это затеяла, надо было остаться дома.

Я начинаю вставать и собирать свои вещи. Но голос старца останавливает меня:

– Подожди. Сядь, выслушай меня, а потом уже примешь решение верить мне или нет.

Повинуясь его просьбе, на удивление для самой себя, быстро плюхаюсь обратно на стул.

– Это всё не реально. Все окружающее тебя вещи лишь бу-тафория. Мы сейчас находимся в мире снов. Все люди, кото-рых ты встречаешь тут тоже во сне. Видишь ли, когда чело-

век погружается в это состояние, он переносится в этот мир, где так же происходят различные события, встречи и диалоги. Но это не долгосрочный процесс, ты и сама знаешь. Лишь только я умею управлять этим миром и быть здесь столько, сколько захочу.

–Вы что бог или типа того? – от глупости и нелепости этого вопроса у меня невольно вырывается смешок. «Какой бог? Что я тут вообще делаю? Зачем сижу и слушаю бредни этого бездомного?»

–Хех, нет, я обычный человек, отличающийся от других лишь тем, что подчинил себе необычную вещь, которую, к слову говоря, ты любезно украла у меня накануне.

–Что? Медальон? С помощью него вы управляете сном?

–Да, именно так. Я могу быть кем угодно здесь, менять ампула, города, страны, даже целые вселенные. Ведь я научился это делать за долгие годы практики.

–Так стоп, ну хватит. Раз это сон, как вы утверждаете, то почему я ещё тут? Почему не просыпаюсь?

–Этот вопрос как раз-таки волнует и меня. Поэтому я и согласился на встречу. Вернёмся к вопросу про галлюцинации, ты их уже видела?

–Да, было пару раз, но я просто утомилась, в этом нет ничего странного или наделённого магическим смыслом.

–Хм... а я всё-таки не могу понять, почему ты ещё не осознала, что находишься во сне? Медальон должен был вытянуть тебя отсюда сразу же, как только ты к нему прикосну-

лась.

–Знаете, всё это смахивает на бред сумасшедшего. Почему я должна вам верить? Это же даже не логично. Раз вы можете быть кем угодно здесь, почему выбрали образ старого бродяги? Неужели все другие роли уже были заняты? – усмехнувшись, выпаливаю я.

–Я нахожусь в этом мире уже очень давно, мне интересно пробовать новое и неизведанное. А ещё любопытно наблюдать за человеческой сущностью и за тем, как быстро меняется мнение человека о тебе в зависимости от социального статуса. Пару недель назад я был королём Мавритания и поданные делали мне массаж ног, кормили фруктами и обмахивали опахалом. А сегодня я немощный старик, живущий на улице, а прохожие не могут кинуть и монетки. Для меня увлекательно постигать мир в разных иерархиях, не зацикливаясь на какой-то одной.

–Хорошо, предположим так оно и есть. Хотя я и не верю ни единому вашему слову. Но, тогда, почему я здесь? И Святослав? Неужели мы так долго спим? У вас есть разумное объяснение этому?

–Я долго размышлял об этом.

–И к какому выводу пришли?

–Быть может, с вами что-то случилось в реальной жизни и поэтому вы до сих пор в этом мире? Это хоть и редкость, но всё же такое возможно.

–Что-то случилось? На что вы намекаете? Типа мы умер-

ли?

–Нет, конечно, нет. Тогда вы не были бы здесь. Для умерших есть свой мир.

–Ну всё, с меня хватит! Знаете, я и так потратила слишком много времени на этот абсурд. Вот, заберите свой медальон. Мне правда жаль, что я его украла. Извините. И прощайте.

С этими словами я встаю с места, накидываю пуховик и стараюсь как можно быстрее удалиться с этого заведения, не желая слышать очередную порцию чуши. Сильный порыв ветра помогает мне открыть массивную стеклянную дверь, и я пулей выскакиваю на улицу.

–Подожди, стой!

Нехотя оборачиваюсь и проговариваю как можно более спокойным голосом:

–Я уже всё сказала. Спасибо за увлекательную сказку, но мне наскучило.

Но старца рядом не оказывается. Оглянувшись вокруг себя, понимаю, что стою одна посреди оживлённой улицы. «Хм...странно. Мне казалось, что я слышала его голос». Постояв ещё с минуту, ускоренным шагом отправляюсь обратно в отель, надеясь, что Святослав за время моего отсутствия ещё не успел проснуться.

Дверь номера предательски скрипит, и забравшись во внутрь, я слышу сонные крики проснувшегося парня:

–Лиза, ты? Где ты была?

Выйдя ко мне с взъерошенными волосами, он потеряет глаза, медленно потягивается и зевает, предлагая моему вниманию прекрасный вид его натренированного спортивного тела.

–Я ходила подышать воздухом. Плохо спала. – «Чёрт. Мне приходится ему врать. Ему – единственному человеку на всём земном шаре, которому всегда говорю правду, никогда не увиливая от сути. Идиосинкразия отравляет меня изнутри, я испытываю дикую ненависть к себе, но не решаюсь рассказать ему о случившемся».

–Хм...странно. А почему ты меня не разбудила?

–Ты так сладко спал, не хотела тебя тревожить.

–Лизочка, ты бы меня не потревожила, ты чего? Иди ко мне. – крепко обхватив меня в объятия, он продолжает: всё хорошо? Ты не замёрзла? Хочешь пойдём ещё немного по-валяемся и закажем завтрак в номер?

–Я так тебя обожаю!

–И я тебя. Ну всё, идём, хватит стоять в пороге.

Мысли безжалостным гнетущим потоком атаковали разум, дестабилизируя его и без того шаткое состояние. Пропуская мимо ушей подавляющее большинство слов, произнесённых Святославом, я полностью погрузилась в свой водоворот размышлений.

«Я во сне? Что за бред? Это глупо. А что если я, действительно всё окружающее меня лишь плод бурной фантазии? Нет, нет, это невозможно. Я тут, я жива, это реально. А если

всё-таки...»

– Эй, ты меня слушаешь? – резко окликает он, выдёргивая меня, словно рыбку на крючок.

– Ааа..что? Да, извини. Я задумалась.

– Хм..о чём думаешь? Поделишься?

– Да ничего особенного. Обдумывала планы на сегодня, ты же знаешь, как я люблю всё расписывать наперёд. – «И снова ложь! Ужасная, съедающая изнутри ложь».

Люди врут постоянно, на каждом шагу, не придавая этому явлению особого значения, включая его в обиход жизни, приравнивая к чему-то «самособойразумеющемуся». Они врут на работе, друзьям, семье, даже самим себе. Так часто надевают маску, что уже и не помнят, как выглядят без неё. Не думала, что когда-то стану одной из них. Но вот я здесь, лежу в объятиях самого близкого человека и нагло лгу, глядя прямо в глаза. «Почему я не скажу правду? Чего я боюсь? Осуждения? Хм..возможно. Непонимания и неприятия? Да. Лучше ему оставаться в неведении. Я сама разберусь с этим».

Полдень. Солнце, пробиваясь сквозь плотную ткань штор, плавно струящихся от лёгкого порыва свежего ветра, проскальзывающего через открытое окно, разбрасывает свои яркие лучи по комнате, наполняя её светом и теплом. Прильнув друг к другу, как две половинки одного магнита, мы наслаждаемся совместным моментом. Вокруг царит приятная и умиротворяющая обстановка.

– Пора бы уже выдвигаться, как думаешь? – бодрым голо-
сом спрашивает Святослав.

– Да, поддерживаю. Мне нужно минут 10, чтобы собраться.

По ухмылке, расплывшейся на его лице, не трудно дога-
даться, о чём он подумал и что в последствии сказал:

– Хах, я знаю, что твои «10 минут» надо увеличить в 3
раза и прибавить еще 15. Но я тебя не тороплю. Собирайся
спокойно.

Рано или поздно в отношениях наступает момент, когда
предугадать действия или слова партнёра не составляет тру-
да. Это и логично, ведь вы проводите вместе много време-
ни, разговариваете, узнаете друг друга, и даже у самых нена-
блюдательных индивидов, в последствие, раскроются навы-
ки психолога, и они смогут определить по необычному по-
ведению человека его психическое состояние.

У нас же этот феномен наблюдался с самого начала отно-
шений. Между нами словно особая связь, не поддающаяся
научному объяснению, подобно внутреннему чутью на мо-
лекулярном уровне.

– Я готова.

Спустя полчаса, одетая в шифоновое платье, сверху на-
бросив на себя драповое пальто, стою на пороге номера, в
ожидании экскурсии на Эмпайр Стейт Билдинг, считающе-
гося до определённого времени самым высоким зданием в
мире.

До этого я могла любоваться им только в фильмах, например, пересматривая мой любимый момент из киноленты «Кинг-Конг», обливаясь горькими слезами от пронизывающей печали, когда измученное животное падает с вершины здания, на фоне восходящего рассвета. А сегодня я воочию увижу его. От осознания и предвкушения всё тело пронизывает дрожь.

Воспользовавшись лифтом, мы спускаемся в вестибюль отеля и направляемся к выходу, встречая по пути персонал, улыбающийся во все 32 зуба (словно мы находимся в рекламе зубной пасты), беспрестанно кивающий головой, в знак приветствия.

Дойдя до вращающейся двери, сложный функционал которой, я так не люблю после инцидента в одном из торговых центров, оборудованных подобной конструкцией, когда этот бездушный автоматизированный механизм нанёс точный удар в аккурат по моей счастливой (до этого момента) физиономии, отключившей и без того малую долю имеющегося внимания, сконцентрировавшись на болтовне с, идущей позади, подругой; нас окликает администратор.

—Добрый день, прошу прощения. Елизавета, вам оставили письмо. Попросили вручить лично в руки.

Взяв конверт, с неприкрытым удивлением спрашиваю:

—Мне? А от кого письмо?

—К сожалению, он не назвал своего имени, предпочёл остаться инкогнито. Мужчина пожилого возраста.

–Хм...хорошо. Спасибо. Хорошего дня.

Не переставая с недоумением рассматривать неожиданное послание, я обращаюсь к Славе:

–Я правильно поняла, что это от того старца? Ты ведь тоже о нём подумал?

–Странно, зачем бы ему тебе писать? Мы всего несколько дней в Нью-Йорке, а ты уже нашла себе нового друга? (ехидный смешок) – Ну, давай, открывай, интересно же, что там?

Быстро разорвав конверт, достаю маленький листок плотной бумаги, больше походивший на визитку. Повертев её в руках, с изумлением замечаю, что она пуста.

–Что за бред? Она пустая. Смотри, ничего не написано.

–Странно. Дай взглянуть.

Проведя те же манипуляции, он вручает мне её обратно.

–Может это специальные невидимые чернила? Ну, знаешь, которые используют, чтобы никто посторонний не прочёл то, что ему не предназначается. Листок надо подогреть, если я не ошибаюсь, чтобы слова проявились.

–Всё это как-то придурковато, не находишь? Зачем кому-то так заморачиваться? Ладно, посмотрим уже потом, мы ведь опаздываем.

Скомкав конверт, выбрасываю его в рядом стоящую урну, а таинственную визитку кладу в сумочку. С трудом стараюсь откинуть назойливое негодование по поводу произошедшей ситуации, я беру за руку моего спутника, и направляюсь на улицу.

Знаменитый небоскрёб, являющийся нашим пунктом назначения располагается всего в паре кварталов от отеля, поэтому мы решаем прогуляться пешком и осмотреть окрестности.

Мне никогда не нравились крупные мегаполисы, и та лихорадочная спешная жизнь, царившая в них. Словно маленькие муравьишки, люди, охваченные своими проблемами, бегают в разных направлениях, не замечая ничего вокруг. Они постоянно куда-то опаздывают, а мысли забиты мучительным расписанием их эфемерной жизни: забрать сына с садика, заплатить за интернет, ещё ужин приготовить, а на работе до сих пор не сдан квартальный отчёт, босс будет в ярости, с мужем поссорились, у дочки родительское собрание в четверг, боже, а что с причёской, надо срочно записаться в парикмахерскую...

В этом умственном хаосе нет времени для расслабления и релаксации, именно поэтому по статистике в крупных городах люди чаще склонны к депрессии. Ещё бы, когда тут наслаждаться жизнью и быть счастливым, если большую часть своего времени находишься в состоянии полного истощения и усталости.

Нет, это не для меня. В моих мечтах жизнь, наполненная яркими эмоциями и впечатлениями, развивается совсем по другому сценарию: уединенный домик где-нибудь в лесной глуши, подальше от городской суеты. Красивый облагороженный сад с гамаком, где в часы послеобеденной жары,

можно спрятаться в теньке, закрыть глаза и послушать звуки природы, погрузившись в медитацию. Светлый, просторный дом не забитый лишней атрибутикой и мебелью, минимализм во всём, пастельные оттенки, камин, большой книжный шкаф, наполненный любимой литературой, а где-то на фоне ненавязчиво играет виниловый проигрыватель, крутя по кругу одну из пластинок группы Queen. Представив в голове эту «картину маслом», я непроизвольно улыбаюсь.

На улице начинает идти снег. Большие мокрые хлопья аккуратно опускаются на землю, моментально тая, от соприкосновения с, подогретым на солнце, асфальтом. Медленно и плавно плывут они в воздухе, создавая вокруг волшебную рождественскую атмосферу, словно в одночасье мы перенеслись в стеклянный снежный шар, оказавшийся в руках создателя.

К такому виду осадков я была, явно, не подготовлена. Укладка волос, для создания которой было приложено так много усилий, из красивых локонов превратилась в бесформенное месиво, со стороны больше походившее на пушистую шерсть ретривера. Макияж поплыл, как у пьяной школьницы на выпускном, а пальто нежного пудрового оттенка отливало теперь грязно-бежевым из-за чрезмерной влаги.

–Мда..блеск!

Мы ускорили шаг. Спустя несколько минут наконец-то дошли до желанной точки. Войдя в главный вестибюль, оформ-

ленный серым и лиловым мрамором, отполированном до блеска, мы принялись аккуратно смахивать с себя остатки мокрого снега, чем вызвали неодобрительную реакцию, в виде закатывания глаз и цоканья, со стороны вахтёра.

Напротив входа, озаряемый золотой подсветкой, на большой панели расположился барельеф с изображением силуэта небоскрёба, сияющего в лучах солнца. По истине, роскошная картина. Неосознанно стараемся передвигаться тише обычного, словно в музее, медленно переступая с ноги на ногу. Со стороны мы, пожалуй, выглядим как преступная парочка, вылитые Бонни и Клайд, за тем лишь исключением, что мы не собираемся никого грабить. Глаза лихорадочно вступают в спринтерский забег по всему периметру помещения, пытаюсь жадно впитать каждую, даже самую мельчайшую, деталь.

Постепенно комната начинает заполняться туристами. В какой-то момент их становится так много, что создаётся эффект замкнутого пространства, и у меня спирает дыхание (хоть я и не страдаю клаустрофобией).

Бездумно фланируя между этажами, натываемся на ресторан американской кухни и унюхав аппетитный аромат сочного стейка, решаем задержаться. Околдованные магией восхитительных запахов, исходящих напрямиком из кухни, заказываем то самое мясо, возбудившее наши обонятельные рецепторы и пару салатов, носящих странное название «Тигриная груша» (учитывая мои знания английского языка, ве-

роятно, перевод не точный).

Вкусно пообедав, решаем подняться на смотровую площадку, расположенную на 102 этаже. По отзывам в путеводителях оттуда открывается потрясающий вид на город.

Но то, что происходит со мной в следующий момент, стало бы отличным сюжетом для документального фильма на канале Рен-ТВ. Зайдя в лифт, тускло освещённый только одной исправно работающей лампой, поднимаемся на верхний этаж, поэтапно останавливаясь и набирая всё больше пассажиров. В итоге, забившись под завязку, еле как, будто на последнем издыхании, подъезжаем к нашей цели. Толпа туристов, как оголтелые, ринулась к только что открывшимся дверцам, словно к вратам рая или к прилавку с раздачей свежеспеченных бесплатных пирожков (что более реалистично). Этим неконтролируемым массовым потоком меня неожиданно сбивает с ног, и я падаю на пол, смачно ударяясь коленями о железное основание, а руками погружаюсь в грязное месиво, в виде лужи, которая успела образоваться от мокрой обуви всех присутствующих.

–Ну супер просто. – яростно вырывается у меня, громче, чем я планировала.

Невольно фыркнув и с отвращением отряхнув запачканные руки, медленно поднимаюсь всем телом, словно марионетка в руках кукольника, и со злостью оглядываюсь по сторонам. Но вокруг ни души. Я стою одна посреди лифта с грязными круглыми пятнами на телесных колготках.

«Куда все пропали?»

Аккуратно, с опаской выйдя в светлое просторное помещение, сплошь усеянное окнами, раскрывающими панораму дневного Нью-Йорка, с облегчением замечаю Славу, повернутого ко мне спиной.

–Хэй, а что происходит? Где все? – проговариваю я, касаясь рукой его плеча.

Но фигура не двигается. Обойдя его, я понимаю, что это манекен. В ужасе резко отпрыгиваю назад. Подхваченная внезапной панической атакой, не придумываю ничего лучше, чем с криками бежать по этажу в поисках людей. Сердце бешено колотится, того и гляди выпрыгнет из груди и пустится вслед за безжизненным, мчащимся на всех порах, телом. «Ничего не понимаю. Что происходит? Это что розыгрыш?». Нескончаемые вопросы бешеным ледяным потоком обрушиваются на туманную голову, словно снежная лавина, ещё сильнее будоража испуганное сознание.

Оббежав полный круг, запыхавшаяся и взволнованная снова возвращаюсь к тому месту, откуда начинала разгон. И тут же вливаюсь в гущу событий: любопытные туристы массово пробиваются к большим панорамным окнам, толкая друг друга локтями, дабы получше разглядеть всю красоту города, расстилающегося как на ладони; Рекламщики раздают листовки с информацией о грядущей художественной выставке, которая пройдёт этажом ниже, через пару часов; Рядом с лифтом пара маленьких детей игриво бегают друг за

другом, издавая громкие вопли и смешки; А среди всего этого хаоса стоит Святослав, рассеяно рыскающий взглядом по всему периметру помещения, в поисках меня (разумеется).

– Где ты была? Куда убежала? – набрасывается он с распросами, как только я попадаю в поле его зрения и подхожу ближе.

– Я где была? Это ты где был? Куда все подевались? Я осталась одна и очень испугалась.

– Лиз, мы вышли из лифта и ты резко убежала. Я тебя потерял в толпе и искал минут 10-15. Что случилось?

«Что происходит? Почему он так говорит? Ведь было совсем по-другому».

– Всё было не так. После падения, я оглянулась, а никого нет. И начала бегать искать тебя. А вы все здесь, как ни в чём не бывало. Признавайся, это шутка такая? Ты всех подговорил? – я почти срываюсь на плач.

– Лизочка, всё хорошо? – голос из рассерженного переходит на нежный. Он ласково проводит ладонью по моему лбу. – Как ты себя чувствуешь?

– Извини, я... (мне не хватает воздуха).. я сама не понимаю, что со мной. Давай, пожалуйста, поедем в отель.

– Да, конечно. Я вызову такси.

Свирепый ветер ударил в лицо, насквозь пронизывая холодом, как только мы вышли наружу. Всю дорогу до отеля мы ехали молча. Нежно облокотившись головой на его плечо и закрыв глаза, утопаю в крепких объятиях, почти погру-

жаясь в сон. Поднявшись в номер, он по-джентельменски, с присущей ему заботой, аккуратно снимает с меня пальто, расстёгивает сапоги, укладывает в постель, как маленького измученного ребёнка, и чмокнув в лоб, убегает в кафе, расположенное этажом ниже, за горячим чаем и сладостями, дабы привести меня в норму.

Оставшись наедине с собой, погружаюсь в томные рассуждения о произошедшем:

«Что это было? Очередная галлюцинация, о которой меня предупреждал старец в кафе? Но почему это происходит со мной? Неужели я, действительно, во сне?»

В эту минуту меня словно окатывает ледяной водой, я вспоминаю про Статую Свободы и мигающий факел, который, весьма кстати, был заснят мною на камеру. Достав телефон из маленького отделения сумочки, я филигранно роняю его на пол, несколько раз в воздухе имитируя элементы жонглирования, пытаюсь его поймать. Громко вздохнув, мысленно ругаю свою «рукожопость», которая уже стала трюизмом, разблокирую телефон, вводя незатейливую последовательность цифр, совпадающую с датой моего рождения (очень оригинально) и захожу в галерею.

Пролистав кучу необработанных однотипных селфи, парочку милых совместных фотографий, я, наконец-то нахожу искомое видео. В руках начинается лёгкий, еле ощутимый, тремор. Преисполненная патетикой, активно принимаюсь за просмотр. Вначале картинка хаотично дёргается, по-

очередно представляя взору то серый, потрескавшийся асфальт, то бескрайний простор голубого неба, с плавно плывущими пушистыми облаками, то безэмоциональные лица прохожих, случайно попавших в кадр. И вот, после этой бессмысленной преамбулы, изображение фокусируется на медной статуе, плавно приближая одинокий факел.

Прищурив глаза, механически подношу лицо ближе к экрану, пытаюсь разглядеть, запоминавшееся мне, мигание. Но, разочарование ждало меня и в этом. Факел находится в состоянии полного покоя, без единого намёка на сверхъестественное. Повинуясь своему неутомимому упрямству, просматриваю видео ещё пару раз, в надежде увидеть то, что подтвердит мою правоту. Но эти попытки оказываются тщетными. «Со мной явно что-то не так!» – молниеносно проносится в голове, и с этой мыслью я откидываю телефон в сторону, плюхаюсь на постель, ныряя лицом в мягкий плед, источающий приятный аромат постиранного белья с нотками цветущей магнолии.

Глава 13

– Не могу поверить, что до нашего отлёта осталось всего 3 дня. Время так быстро бежит. – огорчённо проговариваю я, расчёсывая волосы, глядя в отражение зеркала.

– Да, это точно. Но не расстраивайся, эти крайние деньки пройдут насыщенно. Я тебе обещаю. – уверенно парирует Святослав, подойдя ближе, крепко обняв меня сзади за талию.

Позавтракав вкуснейшими сырниками со свежими фруктами и ягодами, в уже полюбившейся нам кофейне, расположившейся в соседнем здании через дорогу от отеля, мы, радуясь тёплому Нью-Йоркскому солнцу, выдвигаемся в Центральный парк. Безветренная погода как раз благоприятствует длительным прогулкам на свежем воздухе.

Именно таким он мне и представлялся, словно сошедший с экранов американских фильмов: красивый и живописный, уместивший на своей огромной территории множество небольших озёр, фантанов, катков, бейсбольных площадок и теннисных кортов. Приятно своими глазами лицезреть этот визуальный и звуковой контраст, когда после шумных улиц Манхеттена, сплошь окружённых автомобильными пробками и толпами людей, попадаешь в уединённый уголок природы. Настоящий зелёный островок умиротворения и спо-

койствия в безумном и оживлённом мегаполисе.

В первую очередь мы решаем прокатиться на коньках. Вооружившись всем необходимым в ближайшем прокате, успев ухватить снаряжения подходящего размера, покупаем билеты, переобуваемся и открываем заветную дверцу, ведущую на каток. Глаза слепит яркое солнце. Всё вокруг становится иссиня белоснежным, как в волшебной сказке, ровная поверхность льда переливается перламутром, отражая бирюзовое небо. Отведя взгляд от разноцветных огоньков, развешанных по всему периметру, я замечаю протянутую руку Святослава, любезно приглашающего меня ступить на лёд.

Я уверенно стою на коньках с самого детства. Помню этот день, словно это было вчера, как впервые мама привела меня на сельский каток, залитый рядом со зданием начальной школы, и научила держать равновесие, плавно передвигая маленькими ножками по скользкому льду. Она хвалила меня даже за самые маленькие и несущественные достижения. Всегда была рядом и поддерживала. Много шишек и синяков было набито, но я всегда с приятным теплом в сердце вспоминаю те прекрасные моменты. Что же касается моего спутника: сегодня его дебют. Так уж вышло, что детские годы обошли стороной данную зимнюю забаву, предпочитая вместо неё рыбалку и другие мальчишеские увлечения для ребят, что рано повзрослели.

Встать впервые на коньки в 25 лет то ещё испытание, но Святослав держится, достаточно, уверенно и бесстрашно

(ну... или делает вид, дабы «не ударить в грязь лицом» передо мной), но, тем не менее, со стороны выглядит очень забавно и комично. Неповоротливый и скованный он беззащитно цепляется за мою руку и неумело переставляет ногами, подсказываясь и подворачивая ступни ног в неестественное для них положение. Спустя несколько минут катания, он успел протереть собой, как минимум, четверть поверхности всего катка, спотыкаясь и падая на ровном месте. Но его упорство и целеустремлённость одержали победу в этой схватке, и вот уже через полчаса, он рассекает по льду ничем не хуже профессиональных фигуристов. У него есть уникальная особенность, которая поражает и восхищает меня каждый раз: всё, за что он берётся, в конечном итоге, доводится до совершенства.

–Как тебе это удаётся? Ты точно впервые катаешься? – спрашиваю я, с неприкрытым удивлением.

–Конечно, в первый раз это делаю. Смотри, что могу.

Отъехав на несколько метров, он лёгким движением искусно поднимает одну ногу слегка вверх, продолжая ехать на другой. В моменте резко останавливается, исполняя корявый, но всё же, пируэт. Оглядывается на меня, улыбается с искренним ликованием и припадает на колено, заканчивая тем самым свой цирковой трюк.

«Хех, ну и выпендрёжник».

Лёгкий морозец приятно пощипывает щёки, разгоняя кровь, благодаря чему они приобретают насыщенный крас-

ный цвет, полыхая жаром и огнём. Где-то неподалёку раздаются крики детворы, заглушающие ненавязчивую мелодию, разносящуюся в массивных колонках, висящих на столбах. Кто-то из них валяется, распластавшись на животе, кто-то на спине, кто-то набросился сверху, создавая одну большую весело хохочущую и барахтающуюся кучку.

– Как ты себя чувствуешь? Всё хорошо? Не устала? – с трудом переводя дыхание, интересуется мой олимпийский чемпион.

– Я замечательно. А ты как?

– Не считая синяков на коленях и пары ссадин на локтях, всё отлично. Может выпьем горячего шоколада?

Отсмеявшись удачно подмеченному наблюдению, активно киваю головой в знак согласия. По всему периметру катка, плотно прижавшись друг к другу, разместились всевозможные киоски с горячими напитками и закусками на любой вкус и кошелёк. Наш выбор пал на будку с интересным дизайном в космическом стиле, рядом с которой уже толпился народ. Стены и дверцы украшены миллионами звёзд и планет, создавая бесконечное небесное пространство, приковывающее взгляды окружающих, побуждая внимательно рассматривать манящую звёздную бездну. Весь ассортимент товара так же выполнен в единой стилистике. Наконец-то определившись с выбором, мы заказываем корн-доги с сыром, которые подаются в виде космической ракеты, и какао со сливками в большом стакане, напоминающем футуристическое

безумие со множеством различных присыпок, маршмэллоу, конфеток и разноцветных спиралевидных трубочек.

– Ты наелась? – спрашивает Святослав, как только мы заканчиваем приятную трапезу.

– Ооо, да, я сейчас лопну. Ну что, куда дальше держим путь? – вытирая остатки взбитых сливок с уголков рта, проговариваю я.

Осмотревшись вокруг, мы приходим к общему выводу, что неплохо бы прогуляться по парку и полюбоваться красивыми видами. Избавившись от коньков, безжалостно сжимающих мою лодыжку на протяжении последних 10 минут, я с облегчением надеваю удобные, мягкие ботинки, непринужденно выдыхая и закатывая глаза.

Так приятно прогуливаться по зимнему городскому парку. Время здесь как будто замедляется, подталкивая с головой окунуться в чудесное величие и великолепие белоснежной зимы. Все аллеи, деревья и кустарники окутаны бархатистой пеленой пушистых снежинок, находящихся в безмолвной тишине, лишь изредка нарушаемой хрустом искристого снега под ногами шагающих пешеходов. Солнечные лучи, хаотично рассеиваясь, приземляются на снежные дорожки, вмиг превращая безжизненные притоптанные комочки в сверкающие алмазы. словно ты ходишь по замку Снежной королевы, ступая на ковёр, сплошь усеянный бриллиантами.

Медленно мы подходим небольшому озеру, полностью покрытому тонкой корочкой льда и белым, как молоко, по-

крывалом. Со всех сторон, под тяжестью снежных шапок, накренив свои ветви ближе к земле, стоят массивные деревья. В местах проталин виднеется безмятежно спокойная гладь воды, зеркальная поверхность которой очаровывает прилетевших уток.

– Так много их, да? – говорю я, с восторженностью и живостью, свойственной маленьким детям.

– Да, их, видимо, здесь ещё и подкармливают.

Удивительное спокойствие и тишина, царившие здесь, расслабляют тело и разум. Остановившись, я вдыхаю полной грудью, заполняя лёгкие свежим прохладным воздухом, и закрываю глаза. «Хорошо». После непродолжительной импровизированной медитации, вздрагиваю от странного раздрающего слух звука, напоминающего плач ребёнка, устремив свой взгляд вдаль, пытаюсь разглядеть источник шума, нарушивший мою идиллию. И замечаю ужасную картину, от чего по моему телу проносится неприятный холодок. В нескольких метрах от берега на хрупкой неустойчивой льдине стоит маленькая коляска, а внутри, разрывая горло, орёт тот самый нарушитель тишины. «Что он там делает? Где его мать? О чём она думала?». Ни на один вопрос нет разумного ответа. Охваченная страхом и волнением, быстрым шагом приближаюсь вплотную к замёршей воде, пытаюсь осознать, что это всё происходит в действительности, а не очередная игра моей больной фантазии. Мгновение... и я слышу треск льда, словно раскаты яростного грома, а сразу за ним юрки-

ми змейками во всех направлениях расползаются трещины.

– Что за чёрт? – как только я проговариваю эту фразу вслух, коляска тут же беззащитно проваливается под лёд, полностью погружаясь в воду.

– Ммм... ты о чём? – только и успеваешь вымолвить Свято-слав, в момент, когда я со всех ног бросаюсь к озеру, и не обращая внимание на треснувший лёд, бегу к затонувшему ребёнку.

Пробежав по хрупким льдинкам, чувствуя, как с каждым шагом количество трещин увеличивается, словно хрупкий стеклянный пол трескается под ногами, ощущаешь себя, подобно святому апостолу, шагающему по воде. Но это чувство моментально сменяется другим, когда решающий последний шаг искрошил ледяное основание, находившееся подо мной, моментально образовав большой круг воды, который в одночасье засасывает меня в ледяную тёмную воду. Всё произошло так быстро, что не успеваешь ни отскочить в сторону, ни ускорить бег и просто погружаешься куда-то в пустоту. Вода сразу же пропитывает всю одежду, тело окутывает леденящая дрожь, словно тысячи кинжалов вонзаются глубоко в кожу. В панике я начинаю судорожно двигаться, барахтаться ногами и руками, отчаянно пытаюсь выбраться на поверхность. Непроизвольно вдыхаю, закашливаюсь и снова вдыхаю. Пузырьки воздуха, ударяясь об лицо, плавно скользя по коже, маленькими порхающими шариками устремляются вверх, а с ними постепенно уходит жизнь. В глазах

появляются вспышки, всплески красок, они пугают, переполняют, затуманивают разум. Тело сдалось, силы покидают его, я чувствую, как проваливаюсь во тьму, точно падаю с нескончаемой бесконечной лестницы. Но всему есть конец. И мой уже близок. Снова яркая вспышка: уютная светлая комната, солнечные лучи освещают мягкую взъерошенную постель, перед глазами белый шкаф, со встроенным резным зеркалом, в отражении которого сладко посапывает в подушку растрепанная сонная девушка. Это я. Я эта девушка.

Резкий щелчок, нажатие. В отдалении слышится жалобный голос, оглушающий уши:

– Давай же, давай, Лиза. Дыши, пожалуйста, только дыши.

Нажатие, ещё и ещё, быстрым всплеском вода выбрасывается наружу, обрушивается кашель, голова становится ватной и изнывает от боли, словно миллионы маленьких сосудов мгновенно лопаются, как мыльный пузырь и вот он долгожданный вдох кислорода.

– Лиза, Лизочка, ты как? О боже, как же я испугался. Я думал, что могу тебя потерять. – с неистовой радостью, с мокрыми от слёз глазами, Святослав обнимает и расцеловывает меня, пока я пытаюсь прийти в себя. Все мысли смешались в кучу.

– Что со мной произошло? Я тонула?

– Я вовремя успел тебя вытащить, ещё бы минута промедления, и... Зачем? Объясни мне, зачем ты побежала на лёд? – его щёки покраснели от внутренней злости, но взгляд был

такой нежный и счастливый. Он был искренне рад, что всё закончилось хорошо.

«Озеро. Треснувший лёд... Коляска. О боже, ребёнок.»

– А где ребёнок? С ним всё хорошо? Ты успел его вытащить? – подпрыгнув на месте, я разворачиваюсь и кручу головой в разные стороны.

– Что? Какой ребёнок, Лиз?

Воздух с трудом проходит через ноздри, во рту чувствуется вкус пресной воды вперемешку с чем-то солёным, тело дрожит, а зубы скрежещут, словно мои челюсти танцуют чечётку.

– Тот ребёнок, за которым я бросилась в воду. Слава, не шути надо мной так. Он в безопасности? Ты его спас?

– Лизочка, у тебя, видимо, бред. – он проводит рукой по моему лицу, откидывая прилипшие мокрые волосы. – Нет никакого ребёнка.

Машина скорой помощи подъехала, довольно, быстро (произойди этот случай со мной в России, я бы успела уже отморозить все конечности, подхватив воспаление лёгких). Санитары одним движением укладывают меня на носилки и запихивают в тёплый салон. Слава садится рядом.

«Нет никакого ребёнка» – прокручиваю в голове его слова. «Этого не может быть. Я же видела его своими глазами. Мне не могло показаться».

Больничная палата, в которую меня уложили, выглядит стерильно, светло и грустно. Мысль, что я пробуду в ней

остаток нашего отпуска меня угнетает.

– Не переживай, я всё решу. Если твоё состояние в норме, то необходимости в реабилитации нет. – уверенно выдаёт он, переводя взгляд на открывающуюся входную дверь. В этот момент в палате появляется врач.

Внешность его весьма неказиста: он низкого роста, бесильное немощное тело намекает на пожилой возраст. Лицо худощавое и вытянутое, свидетельствующее о привычке к покорности, устремилось в направлении меня. Хмурый и сосредоточенный взгляд его карих глаз, обрамлённых многочисленными морщинами, изобличал в нем человека скрытного и серьёзного. Но его реплика сразу же развеивает первое впечатление:

– Да, неудачное время года вы выбрали для купания. – он подходит ближе, сверкая кривой улыбкой. – Как себя чувствуете? Вас что-нибудь беспокоит?

– Побаливает голова и в висках вибрирует, но это не критично. – еле слышным голосом отзываюсь я.

– Оно и понятно, вы долго пробыли в воде. Великое чудо, что ваш муж успел вас вытащить. – он поворачивается к Святославу, всё это время неподвижно сидящего рядом, держа меня за руку. – Вы быстро сработали, моё уважение.

В помещение входит медсестра, с кипой бумаг в руках. Мило улыбнувшись, она аккуратным манёвром передаёт часть бумаг в руки врача и поспешно удаляется из палаты.

– Итак, приятная новость: ваши анализы в норме. Мы да-

дим вам обезболивающее, чтобы унять головную боль. Вы испытали сильнейший шок, организму нужно восстановиться, поэтому до конца дня показан постельный режим. Сейчас необходимо подписать бумаги, и, в целом, можете быть свободны.

Проведя незатейливые операции с больничными формальностями, мы удаляемся на улицу и выезжаем в отель.

–Ну что, жена – посмеивается Святослав, но без издёвки в голосе. – как ты себя чувствуешь? Иди ко мне – Рывком он притягивает меня, и я таю в его объятиях.

– Мне лучше. Только хочу спать.

Я не помню, как оказалась в номере и легла на кровать, все эти моменты промчались, как в тумане, что более свойственно людям с психическим заболеванием, нежели обычному человеку. «А может так и есть? Может, я схожу с ума? Иначе как ещё объяснить все эти реалистичные галлюцинации. Я видела коляску, слышала плач. Это было прямо перед моими глазами. Мне не могло причудиться».

Рассуждения в голове медленно угасают, веки слипаются, побуждая закрыть глаза, я плавно погружаюсь в сон.

Глава 14

Тело неподвижно лежит на примятой постели, и лишь только глаза остаются в тонусе, внимательно наблюдая за мечущимся по всей комнате Святославом, который, не догадываясь о моём раннем пробуждении, сюрпризом готовит завтрак в постель. Педантично размещая на подносе все свежеприготовленные вкусности, он сбивчиво бубнит что-то себе под нос.

Всё это время я не могу отвезти от него взгляд, да и не хочу. Этот зеленоглазый брюнет, сам того не подозревая, разделил мою жизнь на “До” и “После”. Он стал необходимым спасательным маяком, освещающим путь для заблудшей, потерянной во тьме, души. Великое счастье быть с ним, чувствовать его присутствие, слышать голос, лицезреть приятные и родные черты лица. Он лучшее, что произошло со мной, и это навсегда.

– Оу, сюрприз не удался. – с расстроенной улыбкой проговаривает он, увидев мои открытые глаза, устремлённые прямо на него. – Я тебя разбудил своим гроыханием, да? Извини, я... я дурак. Надо было просто заранее заказать еду. Как ты себя чувствуешь?

– Ты меня не разбудил, я сама проснулась. Ты выглядишь очень возбуждённым. Что-то случилось?

– Я мог тебя потерять вчера. Эта мысль не даёт мне покоя. – он проводит рукой по своим шелковистым тёмным волосам. – Я очень тебя люблю.

– Я здесь, я рядом. Всё хорошо. – я крепко сжимаю его руку. – Я тоже тебя люблю.

Нежно проведя рукой по моей щеке, он наклоняется совсем близко, и наши губы растворяются в сладостном поцелуе. Вырывается лёгкий стон, он крепко притягивает меня к себе, и я прижимаюсь всем телом. Подхваченная резкой волной желания, подчиняюсь его движениям, словно скрипка в руках талантливого виртуоза. Одежда разлетается в разные стороны, сбивая всё на своём пути. Он страстно целует шею, лицо, учащённо дышит в уши, побуждая моё тело содрогаться и извиваться в сладкой истоме. Прикосновения становятся всё активнее, он ласкает мою грудь, осыпая её поцелуями, сжимает бёдра, я возбуждаюсь ещё сильнее, чувствуя, как нестерпимо хочу ощутить его в себе. Видя, что я не в силах уже терпеть эту приятную пытку, он аккуратно входит в меня. Восторг и наслаждение переполняют, дыхание сбивается, я уже не сдерживаю стоны. С каждым новым толчком всё больше погружаюсь в бездну наслаждения, чувствую, что близка к оргазму, и он тоже. Ощущение, что теряешь связь с реальностью, всё внутреннее естество будоражится и словно взрывается, как ядерная бомба. Мы заканчиваем одновременно. Он ласково гладит мои волосы, нежно целует и шепчет:

– Никогда не перестану наслаждаться тобой.

Контрастный душ после приятной «зарядки» бодрит тело и дух, заряжая энергией на весь день. Приступая к своему любимому утреннему ритуалу, я по привычке, погромче включаю подборку своей любимой музыки, фоном разносящейся по всей комнате через портативную колонку, и с энтузиазмом принимаюсь за сушку и укладку волос. Обдуваемые горячей струёй фена, они струящимся светлым водопадом рассыпаются по спине и лицу. Я старалась отвлечься от гнетущих мыслей, которые так крепко и прочно поселились в моём сознании, без возможности к ликвидации. Они изводили и мучили меня, образуя где-то в груди большой сгусток inferнального страха, мешающего спокойно жить. Необходимо что-то предпринять, но разум полностью погружён в мысли об источнике опасности. «Почему я вижу и слышу то, чего не видят другие? Это один из признаков шизофрении, если я не ошибаюсь. Так и что же теперь? Я психически не здорова?». Миллион вопросов и ни одного ответа.

Мне срочно нужно на свежий воздух, я чувствую, что задыхаюсь, словно меня погрузили в камеру пыток. Накинув со скоростью света пуховик, мчусь к входной двери, попутно натягивая обувь и смахивая капельки пота, выступившие на лбу. Морозный ветер сильным потоком сдувает влажные волосы с плеч (я ведь не потрудилась досушить их до конца) и я невольно вздрагиваю, опуская руки поглубже в тёплые, вместительные карманы. Странно! Моя ладонь нащупывает

что-то необычное, не припомню, чтобы я что-то в них клала. Нахмутив брови, олицетворяющие недоумение, медленно достаю... медальон. Стоп! Что? Но как это возможно? Я ведь сама лично отдала его старцу. Или нет? Была ли вообще эта встреча в кафе?

Не веря своим глазам, я верчу неожиданную вещицу в руках ещё несколько раз, досконально всматриваясь в детали. Да, это определённо именно он: тот же символ посередине, те же магические знаки по кругу и старая, обшарпанная нить, связывающая эту шаткую конструкцию. Но как? Как он оказался запрятанным у меня в кармане? Ничего не понимаю.

Безвозвратно погрузившись в свои мысли, я просто пошла вперёд, определённого маршрута не было запланировано (как и, в целом, всей прогулки), но в эту секунду, прямо сейчас я чувствовала жизненную необходимость в движении, мне надо было идти, всё моё нутро требовало этого, лишь бы не стоять на месте. Вокруг, как в галерее, мелькают размытые лица прохожих, крутящимся калейдоскопом сменяют друг друга архитектурные постройки. Мимо проносятся многочисленные машины, мчащиеся по своему пути, в непонятном направлении. Светящиеся огоньки светофоров, дорожные знаки, пешеходные дорожки и тротуары проплывают, как кадры киноленты, продвигая меня всё дальше и дальше от исходного местоположения.

Наваждение мощной силой захватывает разум, пролистывая неприятные воспоминания, словно слайд-шоу из про-

шлого: «Исчезающий силуэт Славы; мигающий факел Статуи Свободы; Пропадающие люди на смотровой площадке; Коляска на льду». Не может быть, чтобы мне всё это причудилось. Слишком многое уже произошло, чтобы думать о случайности или переутомлении. Остаётся только два варианта, один хуже другого: либо я медленно схожу с ума, либо старец прав, и всё это сон.

Стоп! Сон. Ну конечно! Как же я могла забыть об этом? Когда я была на грани жизни и смерти, затонув в озере, перед глазами всплыла картинка девушки, мирно спящей в своей постели, это была я. Но как такое возможно?

Резко остановившись, поднимаю глаза и оглядываюсь по сторонам, с ужасом осознавая, что я понятия не имею, где нахожусь. По всему телу проносится холодный ветерок, словно под кожей тает льдинка, замораживая все внутренности. Паника овладевает мной слишком быстро. Сердце колотится, как сумасшедшее, рваным вздохом пытаюсь поймать немного воздуха, подобно рыбе, выброшенной на сушу. Глаза защипало от поступивших слёз, в момент я превратилась в какую-то испуганную субстанцию, которая к тому же не может пошевелиться, меня как будто парализовало.

В надежде на спасение, трясущимися руками достаю телефон, имеющий прекрасную, космическую технологию под названием GPS. Увидев свою геолокацию, в изумлении открываю рот. Я ПРОШЛА БОЛЬШЕ 10КМ И ДАЖЕ НЕ ЗАМЕТИЛА ЭТОГО! На часах 11:45. А значит, я выпала из

реальности почти на 2 часа. В телефоне больше 50-ти пропущенных звонков от Святослава. Представляю, как он перенервничал. Вызываю такси и еду обратно в отель, прокручивая в голове сценарий нашего с ним разговора.

– Чёрт возьми, где ты была? – слышу я, как только открываю входную дверь номера. Весь взъерошенный и нервный он мечется по комнате, размахивая руками. – Почему трубку не брала?

– Мне было не хорошо, я вышла подышать воздухом и прогуляться, сама не заметила, как ушла слишком далеко и заблудилась.

– Почему меня не дождалась? Ты просто ушла и ничего не сказала, Лиза. В чём дело? С кем ты была?

– Что? – от возмущения, я непроизвольно повышаю голос. – Я была одна, я же сказала, что потерялась, просто шла, куда глаза глядят. Мне надо было подумать.

– Не обязательно для этого уходить без предупреждения и пропадать на 2 часа, не выходя на связь. Ты понимаешь, что я беспокоился за тебя. Что случилось?

– Я..я не знаю. Всё сложно. Мне кажется, что я схожу с ума.

Эмоции переполняют меня, выливаются за край, не имея сил взять их под контроль, я выпаливаю всё, что сидит во мне уже очень давно, поедая изнутри.

Войдя в кураж, я, как на духу, рассказываю всю эту чудачковатую историю от начала до конца: начиная с кражи ме-

дальона у старого бродяги, заканчивая странными галлюцинациями, заставляющими меня сомневаться в собственной вменяемости. Выслушав мой порыв, он спокойно подходит ко мне и заключает в объятия.

– Лизочка, всё хорошо. Давай приляжем, тебе надо отдохнуть. Хочешь я спущусь в ресторан и принесу чего-нибудь вкусенького, ты наверняка проголодалась. – он нежно укрывает меня покрывалом и садится рядом поверх него, не переставая гладить меня по лицу.

По его реакции я понимаю, что он не поверил ни единому моему слову, списав этот бред на моё подвешенное психическое состояние из-за всех ситуаций, которые я прожила за такой короткий промежуток времени.

В этот момент мне в голову приходит гениальная (как мне кажется), но деструктивная мысль, как раз требующая его отсутствия.

– Да, спасибо. Я бы и в правду перекусила. Возьми что-нибудь на свой вкус. – мысленно убеждаю себя, что это не в полной мере ложь, ведь желудок и впрямь изнывает от лёгкого чувства голода, но всё же подсознание не обманешь, внутренний голос безостановочно твердит объективную истину: «Ты в очередной раз лжёшь близкому человеку».

Дверь хлопнула, и в миг воцарилась оглушающая тишина. Это шанс, которым я должна воспользоваться прямо сейчас, времени не так много, необходимо действовать быстро и решительно.

В беспамятстве резко подскакиваю с кровати, срывая с себя мягкий плед, и направляюсь в ванную. Как одержимая начинаю в спешке выполнять простые действия: открываю шкафчик, нахожу сумочку с бритвенными принадлежностями, достаю лезвие, залезаю в пустую ванну, закатываю рукав свитера, обнажая запястье... Полдела сделано, впереди самое сложное. Жадно втянув в себя воздух, на выдохе, подобно чтению заклинания, шепчу:

– Я во сне, я во сне. Мне нужно проснуться. Другого выхода нет. Я во сне.

Неимоверная сила и храбрость вселяется в меня после произнесённых слов. Взяв лезвие в правую руку, я медленно и уверенно делаю им порез поперёк вены. Рука начинает пульсировать жгучей болью, хлынула кровь, маленькими струйками растекаясь по запястью и капая на холодный кафель. Через несколько минут на нём образовывается маленькая лужица красной жидкости. Неприятное зрелище, словно сошедшее со страниц книг ужасов. Чувствую, как с каждой новой падающей капелькой крови из тела уходит вся энергия, я становлюсь слабой и постепенно погружаюсь в беспроглядную тьму. На мгновение я отключаюсь. Перед глазами предстаёт уже знакомая мне картина: та же солнечная просторная комната, тот же светлый зеркальный шкаф, в отражении которого виднеется спящая девушка, она разворачивается, я вижу её лицо – моё лицо...

Яркой вспышкой меня резко выдёргивает в другое место,

не такое радужное, как предыдущее: ванная комната, лужа крови, опухшие, порезанные руки, и Слава, который старается как можно быстрее остановить кровотечение.

– Чёрт! Чёрт! – выкрикивает он на ходу, лихорадочно орудуя бинтом вокруг моих порезов.– Лиза, ты меня слышишь? Только не выключайся!

Покончив со всеми спасательными манипуляциями, он молниеносно подхватывает меня на руки и несёт на кровать. Слабость пропитала меня всю с ног до головы. С трудом управляю своим телом, руки предательски не слушаются меня, вяло реагируя на импульсы, посылаемые нервной системой, а то и вовсе игнорируя их. Я слышу заглушённые слова Славы, словно звук исходит из другой комнаты, как не стараюсь, не могу разобрать их смысл. Яркий свет софит раздражает глаза, белки которых разглядеть уже невозможно из-за большого количества полопанных капилляров. Со стороны я, пожалуй, выгляжу, как граф Дракула. Хотя если бы он вдруг оказался здесь, от лужи тёплой и манящей крови уж точно бы не осталось и следа.

Все сомнения вмиг отпали. Теперь я точно уверена, что всё окружающее не реально. Магический медальон погрузил меня в долгий непробудный сон, выбраться из которого я смогу только одним способом. Я должна умереть.

– Лиза, нам надо поговорить о том, что случилось. – сквозь фантомный шум в моей голове, я наконец-то улавливаю часть его слов. Серьёзный и немного взволнованный

взгляд прекрасных зелёных глаз в предвкушении устремляется на меня, пронизывая насквозь.

– Слава, это всё не по-настоящему, понимаешь? Всё это! – широко развожу руками в стороны – Ни эта кровать, ни телевизор, ни эта комната, ни наша поездка, ни даже мы сами. Это всё сон. Я знаю, звучит бредово, и скорее всего ты думаешь, что я сошла с ума, но поверь мне. Я долго думала об этом, пыталась рассуждать разумно, но крайние события лишь подтвердили мои догадки, которые до этого полностью отвергались сознанием.

С каждым последующим словом его глаза становились всё более удивлёнными, непроизвольно расширяясь под действием нахлынувших эмоций. В них читалось недоверие, непонимание и... что-то ещё, не знаю, возможно, грусть. Да, думаю это была именно она.

– Мы должны выбраться с этого замкнутого круга, и я знаю как. – создав небольшую интригу своим молчанием, продолжаю: – Мы должны умереть.

– Умереть? Что ты такое говоришь? – тембр его голоса меняется до неузнаваемости.

– Это единственный выход. Я видела себя, когда тонула в озере и когда отключилась от потери крови в ванной. Меня словно перенесло в другое место: в светлую просторную комнату, где в отражении зеркала я увидела спящую себя. Но каждый раз меня выкидывало обратно сюда, ведь ты меня спасал.

– Откуда такая уверенность, Лиза? Ты была в шоковом состоянии, в такие моменты всякое может привидеться. – он был не приклонен и твёрдо стоял на своём. Очень сложно убедить в чём-то сверхъестественном непоколебимого скептика, не прилагая научных доказательств.

– Это трудно объяснить, но я хочу, чтобы ты верил мне. – жалобно и безнадёжно срывается с моих губ. Я не ждала, что он поверит мне сразу. Ведь данная мысль кажется полным абсурдом, чтобы быть правдой.

– Ты же слышишь, как это звучит. Это полный абсурд. – в точности повторяет мои слова Святослав.

– Мне становится страшно от мысли, что я проснусь одна, а ты останешься здесь, без возможности выбраться. Мы должны сделать это вместе, Слав. – под воздействием резко накотивших чувств, с моих глаз начинают катиться слёзы. – Давай наконец покончим с этим. Я больше не могу. – слова непрерывным потоком выплёскиваются наружу, переходя в отчаянную мольбу. – Я устала, я больше не могу.

Он медленно делает шаг навстречу, протягивая руки вперёд.

– Лизочка, иди ко мне. Я тебе помогу. Мы поедем в больницу, найдём специалиста, который вылечит тебя и вернёт в нормальное состояние. – его голос очень нежный, а намерения чистые, но это производит на меня противоположный эффект, нежели он ожидал. Я взрываюсь, подобно петарде, и перестаю себя контролировать:

– Нет, ты меня не слышишь! – резким движением грубо откидываю его руки и отпрыгиваю назад, как скаковая лошадь. – Ты даже не пытаешься понять. Ты думаешь я сумасшедшая?

– Всё хорошо! Подойди ко мне, я хочу обнять тебя. – он снова делает несколько шагов вперёд, стараясь двигаться аккуратно, словно охотник подходящий к добыче, крадучись, дабы не спугнуть своим напором.

Но меня уже не остановить, я чувствую, как внутри по венам и артериям разливается ярый пожар, сжигая последний мост, ещё хоть как-то связывающий меня с той малой долей самоконтроля, которая оставалась нетронутой всеми произошедшими событиями. Всё развивается слишком быстро, погружённая в состояние резко наступившего аффекта, хватаю кухонный нож, находящийся в зоне быстрой досягаемости, на краю стола, мощным ударом втыкаю его прямым концом под рёбра, пронзая плоть до самого основания рукоятки и в тот же миг выдёргиваю обратно. Святослав падает на колени, машинально закрывая рукой место ранения, сквозь его пальцы с сильным напором просачивается кровь, окрашивая белую футболку в ярко-красный цвет. Он не может вымолвить ни слова, испуская лишь отрывистые громкие стоны, олицетворяющие невероятную боль от нанесённого удара.

– Это ради тебя, скоро ты проснёшься в реальном мире, и всё это закончится. – каждое произнесённое мной слово пропитано искренней верой в то, что я поступила правильно.

Он быстро истекает кровью, безнадёжно пытаюсь бороться за жизнь, но смерть оказывается в разы сильнее, его тело ослабевает, губы начинают синеть, становясь похожими на недозревшую сливу, глаза постепенно закрываются. В моменте я ловлю себя на мысли, что всё это выглядит очень реалистично. Разум одолевают смутные сомнения, заставляя в ужасе задуматься: «Действительно ли это сон?». Словно разрядом от удара электрическим током в несколько тысяч вольт, меня осеняет, что это вовсе не сон, а очередная помешательская галлюцинация.

– О боже, нет, что я натворила? – срываясь с места, я прямоком подскакиваю к ослабленному телу Святослава, безуспешно затыкая сквозное кровоточащее отверстие рукавом свитера. – Нет, нет, только не умирай, только не умирай.

Но уже слишком поздно, он не слышит меня. Грудная клетка перестаёт подниматься и опускаться под воздействием естественного процесса дыхания, сердце не бьётся, он умер. Я убила его!

Не знаю, сколько прошло времени, я давно потеряла его счёт. Подобно зомби, неспешно поднимаясь на ноги, встаю перед окровавленным телом моего любимого человека, в руках до сих пор крепко держу орудие убийства, словно деревянное основание ножа намертво приросло к моей коже. Уши оглушает пронзительная тишина, создавая свистящий, воющий звук в барабанных перепонках. Картинка перед глазами плавно расплывается, становясь замыленной, из-за под-

ступивших горьких слёз, бесперестановочным ливнем они начинают скатываться по моим щекам, оставляя за собой мокрый шлейф солёной жидкости.

Внезапно раздавшийся стук в дверь, сопровождаемый громким требованием: «Немедленно откройте дверь, это полиция!» выводит меня из состояния оцепенения. Но ноги не повинуются мне, я словно приклеилась к полу.

– Мы сейчас выбьем дверь!

Моментально после этой фразы хлипкое деревянное заграждение отлетает прямо в комнату, разбрасывая в разные стороны маленькие щепки. Двое крупных полицейских в форме залетают в номер, заполняя всё пространство вокруг. Заряженное оружие нацелено в аккурат на меня, а указательные пальцы крепко держатся на курке, готовые в любой момент выстрелить.

– Поднимите руки так, чтобы мы их видели! – кричит тот, что стоит ближе ко мне. – Поднимите руки, живо!

Охваченная паникой, я внезапно делаю рывок навстречу к ним, в надежде получить желанную помощь:

– Я убила его! Убила!

В эту же секунду, подобно удару грома, звуки выстрелов эхом разнеслись по всему этажу и номеру, свинцовые пули бездушно вылетели из дула пистолетов, разрезая потоки воздуха на своём пути, одна за одной беспрепятственно вонзаясь в мою плоть...